

Дерек Бинхам

Клайв Льюис и его сказки

Оглавление

Предисловие	2
Пауки, привидения и истории	4
В плену у Старикана.....	6
Школа Коротышки	9
Новые невзгоды	12
Ростки счастья.....	14
В окопах.....	17
Член ученого совета	20
Свет над миром	24
Дьявол не дремлет	29
Разговор с миллионами	34
Через платяной шкаф	37
Застигнутый радостью	41
Навстречу прекрасному	48

Предисловие

Как-то вечером я ехал на машине по запруженному Мэлонскому шоссе города Белфаста, в Северной Ирландии. В потоке автомобилей я неожиданно за метил «Сааб» своего старого приятеля.

«Это Росс!» — подумал я и жестом позвал его следовать за мной. Он помахал мне в ответ, и вскоре мы оказались у моего дома.

«Хорошо, что мы встретились, Дерек, — сказал Росс, выходя из машины. — Хочу показать тебе кое-что».

Я страшно люблю сюрпризы и зачарован но следил за тем, как он снимал пластиковый чехол с модели для бронзовой скульптуры, которую готовил для нашего города. Росс изобразил мужчину с книгой в руке, направляющегося к платяному шкафу.

«Это из книги «Лев, колдунья и платяной шкаф», — пояснил я четырехлетнему Кристоферу, гостившему у нас в тот вечер. — А идущий человек — Клайв Льюис, который написал эту сказку».

«А ты знаешь, куда ведет платяной шкаф, Кристофер?» — спросила моя жена.

«В Нарнию, — ответил мальчик. — Там живет Белая колдунья и всегда зима».

Многие дети из разных стран мира проникали через этот шкаф в Страну Говорящих Животных. Аслан — любящий, но совсем не ручной зверь. Он может сбить с ног и даже поцарапать, чтобы уберечь от большей опасности. Белая колдунья убивает Аслана, но он вновь оживает. Это необычный Лев. Он загадочный, строгий, но удивительно добрый.

Однажды маленькая девочка, Энн Дженкинс, прочитав книгу Льюиса, написала профессору письмо. Вскоре ей пришел ответ. Так получилось, что этот ответ стал одним из наиболее важных писем Клайва Льюиса. Обращаясь к ребенку, он говорит простым, ясным языком о замысле всех семи книг «Хроники Нарнии», известных теперь на весь мир.

Вот что он написал...

Магдален-колледж, Кембридж 1961

Дорогая Энн!

Слова Аслана о том, что он уже умирал, кажутся вполне понятными. Прочитай предыдущую книгу этой серии, которая называется «Лев, колдунья и платяной шкаф», где подробно рассказывается о том, как он был убит Белой колдуньей и потом ожил. Когда ты ее прочитаешь, то, возможно, увидишь, что за этим кроется более глубокий смысл. Вся история Нарнии говорит о Христе. Иными словами, я спрашивал себя: «А что, если бы на самом деле существовал мир, подобный Нарнии, и он пошел бы по неверному пути (как это случилось с нашим миром)? Что бы произошло, если бы Христос пришел спасти тот мир (как Он спас наш)?» Эти истории служат моим ответом.

Я рассуждал, что поскольку Нарния является миром говорящих животных, то Он тоже станет Говорящим Животным, подобно тому, как Он стал человеком в нашем мире. Я изобразил Его львом, потому что:

- а) лев считается царем зверей:
- б) в Библии Христос называется «львом из колена Иудина»:
- в) с начала работы над книгой мне виделись необычные сны о львах.

В целом вся серия книг составлена следующим образом:

«Племянник чародея» повествует о сотворении мира и о том, как зло проникло в Нарнию.

«Лев, колдунья и платяной шкаф» рассказывает о распятии и воскресении.

«Принц Каспиан» говорит о восстановлении истинной религии на месте искаженной.

«Конь и его мальчик» рассказывает о призвании и обращении язычника.

«Путешествие на Край Света» посвящено духовной жизни (в особенности Рипичипа).

«Серебряное кресло» повествует о постоянной войне против сил тьмы.

В «Последней битве» говорится о пришествии Антихриста (Обезьяны), конце света и последнем суде.

Все ли тебе понятно?

С уважением, К С. Льюис

Если вы когда-нибудь окажетесь в Белфасте, то увидите памятник, поставленный по проекту моего друга Росса Уилсона возле Голливудских арок. Письмо к Энн Дженкинс выполнено в бронзе на обратной стороне шкафа. Если миновать Восточный Белфаст и доехать до Кольцевой дороги, можно увидеть прекрасный дом, который носит имя «Маленький лужок». Перенесемся мысленно в начало XX столетия, и мы обнаружим двух мальчишек, увлеченно играющих на чердаке дома в свое придуманное королевство. Тогда, как и сейчас, здесь были узкие проходы, через которые дети проползали в свои тайные укрытия, например в комнату с цистерной для воды. Чердак родного дома и стал прототипом того, с которого в первой книге «Хроник» начинаются приключения в Нарнии. Все дело в том, что одним из мальчишек был Клайв Стейплз Льюис. Позвольте мне поведать вам удивительную историю его жизни.

Дерек Бинхам

Написано в столетнюю годовщину со дня рождения К. С. Льюиса- 1998

Пауки, привидения и истории

*«Этот чердак будет моим рабочим кабинетом,
— объявил Клайв. — Здесь я буду писать свои истории».*

Великолепная картина открывается взору, когда лучи заходящего солнца касаются Антримских холмов и побережья Белфастского залива. Они заглядывают и в небольшой домик, известный под названием «Маленький лужок». Семья Льюисов переехала туда, когда Клайву исполнилось семь лет. Перед домиком раскинулись поля, сбегаящие к самому заливу.

«Этот чердак будет моим рабочим кабинетом, — объявил Клайв, исследуя помещения под самой крышей. — Здесь я буду писать свои истории».

«Истории?» — спросите вы. Льюис любил истории. Вся свою жизнь он не мог заниматься рукоделием из-за отсутствия сустава в большом пальце. Поэтому работа с ножницами и картоном так и осталась неосуществленной мечтой. А как хотелось ему мастерить корабли, дома и паровозы! Но попытки каждый раз кончались слезами. Однако Клайв вполне владел карандашом и ручкой. Он принялся сочинять истории. В этом скрывалось его истинное призвание.

Годами позже Льюис писал, что вымышленный замок значительно интересней самого великолепного картонного замка, поставленного в детской. Мы многим обязаны любви Клайва к чердаку в «Маленьком лужке», ведь он послужил прототипом сказочного чердака, где начались приключения в Нарнии.

Холодными пасмурными вечерами ребята отплывали к берегам своей придуманной страны. Клайв сочинял истории про храбрых мышей и кроликов, которые в рыцарских доспехах выезжали на битву с котами.

«Уоррен, там можно запустить твои паровозы и пароходы, мы ведь вместе придумали Страну Зверей», — говорил Клайв брату.

Они не расставались с карандашами:

Уоррен любил рисовать пароходы и поезда, а Клайву нравились животные в костюмах и платьях. Братья составили карты Страны Зверей, где Уоррен незамедлительно проложил основные морские пути к небольшому островку. Островок этот получил название Индия по названию государства в реальном мире.

Каждое лето семья Льюисов проводила отпуск у моря. Мальчики и мама очень любили это время. Флора была красивой женщиной. Она получила университетское образование и учила своих сыновей французскому языку и латыни.

«Откровенно говоря, каникулы на побережье невыносимо скучны», — жаловался своим друзьям Альберт Льюис, отец мальчиков. Он был преуспевающим адвокатом приятной наружности. Бродя по берегу моря, он то и дело посматривал на часы, не скрывая своего желания вернуться к делам.

«Что ты такое говоришь, Клайв?» — удивленно спросила Флора своего младшего сына в один из летних дней.

«Я Джекси!» — отвечал тот, тыча себя в грудь.

«Джексы?!» — Флора не могла оправиться от удивления.

«Меня зовут Джексы», — настаивал мальчик. Что он хотел этим сказать? Клайв добивался, чтобы его звали по имени собачки, которая жила рядом с домом и недавно сбежала, к его большому огорчению.

С тех пор Клайв отзывался только на это имя, отказавшись от своего. Для всей семьи он стал Джеком, а для друзей — Джеком. Следуя его желанию, мы тоже будем называть его Джеком.

«Все хорошо, малыш, я с тобой», — успокаивала сынишку Флора, когда он проснулся ночью в холодном поту.

«Мама, почему они мне снятся?» спрашивал, Джек.

«А что тебе снилось?»

«Огромные пауки. — отвечал перепуганный мальчик. — И куча привидений».

Джек страдал от своего буйного воображения, которое впоследствии помогло ему стать великим сказочником. К счастью, в его фантазиях возникали не только чудовища.

Как-то Уоррен ворвался в комнату Джека. «Ты только посмотри!» — взволнованно кричал он. В руках у мальчика была жестяная крышка от бисквита, на которой он создал крошечный сад из мха, веточек и цветов. Сад произвел на Джека такое сильное впечатление, что годы спустя он назвал это «первой встречей с прекрасным». Рай представлялся ему чем-то похожим на игрушечный сад Уоррена.

«Интересно, есть ли еще дом, в котором так много книг?» — думала Энн Харпер, наставница двух братьев. Она была превосходным учителем. А книги действительно лежали везде: в кабинете, в гостиной, в прихожей, в два ряда на шкафу, на стеллаже на лестничной площадке, в спальне, на чердаке. Книги, книги, книги... Альберт никогда не расставался со своими приобретениями.

Джеку было позволено выбирать любые книги, и он много читал. От Конана Дойля до Марка Твена, от «Феникса и ковра желаний» Е. Несбит до «Путешествий Гуливера», от Беатрис Поттер до поэзии Лонгфелло. Мальчик был потрясен силой слов. Он живо представлял себе прочитанное.

«Ты маленький болтунишка», — называла его няня Лизи Эндикот из графства Даун. Ребята очень ее любили. Клайв Льюис не был снобом. Он никогда не проявлял пренебрежения к простым людям. Менее чем в миле от их дома находилась богатая усадьба «Горный папоротник». Там жили титулованные родственники Льюисов, и мальчик нередко у них гостил. Но он всегда помнил, что хороших людей можно встретить везде. Джек был приветлив и с простыми людьми, и с университетскими интеллектуалами.

Но в мирную жизнь Джека в «Маленьком лужке», с его длинными коридорами, залитой солнцем крышей и удивительным чердаком, пришло большое горе.

Однажды ночью ему стало плохо. Болела голова, и противно ныл зуб. Мальчик заплакал. Жалобные всхлипывания, доносившиеся из детской, могли разбить сердце кому угодно.

«Почему мама не идет ко мне? — звал он, мечась в постели. — Позовите ее сюда!»

Но мама не шла. В доме раздавался какой-то шум. Хлопали двери, слышался тревожный шепот.

Наконец пришел отец. Он плакал.

«Джек, у нашей мамы рак, — сказал он, — ей будут делать операцию прямо здесь, дома. Есть надежда, что это ей поможет».

Но чуда не произошло. Болезнь одолела Флору Льюис, и мальчиков не подпускали к маме, пока ее мучили сильные боли.

«Уорни, теперь мы еще больше нужны друг другу», — сказал тогда Джек.

«Я с тобой, — ответил Уоррен. — Ничего не бойся».

Дружба братьев становилась все крепче.

«Папин характер меня просто пугает», — признавался Джек, видя, как отец сломлен обрушившимся на него несчастьем и заботами об умирающей жене. Альберт Льюис ничем не мог ей помочь. В отчаянии он говорил страшные вещи.

Джек молился, чтобы Бог исцелил его маму. Он не сомневался, что случится чудо. В то время он представлял себе Бога добрым волшебником. Бог–Спаситель и Бог–Судия был ему неведом. Джек не испытывал к Нему ни любви, ни страха. Он думал, что, ответив на молитвы людей, Бог возвращается к Своим делам. Бог не исцелил Флору Льюис, но Он и не ушел. Джеку предстояло однажды познать Его через Иисуса Христа и полностью изменить свое представление о Боге. Но до того дня было еще очень далеко.

Флора Льюис умерла в 1908 году, и всю боль утраты Джек выразил позднее в книге «Племянник чародея», описывая Дигори. Ему было невероятно тяжело.

Со смертью матери исчезло чувство защищенности. Мама была для Джека надежной пристанью. С ней он был спокоен и счастлив. Он писал, что «потом еще были радость и веселье, но ощущение безопасности ушло навсегда. Остались только островки. Великий материк затонул, подобно Атлантиде».

В плену у Старикана

«Радости не было, она была попросту забыта».

К. С. Льюис о школьных днях в Винарде

Флитвудский пароходик медленно отчаливал от пристани Белфаста. Стоя на палубе, Джек и Уоррен махали на прощание отцу. Джек впервые отправлялся в школу. Ему предстояло стать «пансионером».

«До свидания, папа, береги себя!» кричали мальчики.

«Пока, ребята, выше голову!» — отвечал Альберт Льюис, печально стоявший в туманных сумерках сентябрьского вечера. Шел 1908 год. Бедный Джек, он еще не знал, какие трудности ему уготованы.

«Пойдем, я покажу тебе корабль», — позвал Уоррен, с ранних лет увлеченно рисовавший

морские суда. Джек охотно последовал за ним. Ребята заглядывали в каждый уголок ночного парома, медленно скользящего по глади Белфастского залива, оставляя позади огни Ирландии.

«Герпетъ не могу эту новую школьную форму, — пожаловался Джек, разглядывая свой плотный колючий костюм, сшитый из тяжелой саржи. — А от тугих бриджей под коленками остается красная полоска!»

«Да, Джек, итонские жесткие воротнички просто не созданы для тебя!»

«Я уже натер ноги в новых ботинках», — продолжал перечислять свои горести Джек.

«А котелки просто нелепы! Но со школьными правилами надо считаться», — отвечал ему Уоррен.

Братья улеглись на койках в своей каюте. К ночи поднялся ветер, и корабль стало качать.

Джек оказался более стойким, чем Уоррен, сильно страдавший от морской болезни. К счастью, путешествие было недолгим, и ранним утром мальчики сошли на берег.

Они пересели на поезд и продолжили свой путь на юг Англии. Здесь Джека ожидало еще одно разочарование. Чем дальше они продвигались к Юстону, тем меньше ему нравились окрестные пейзажи.

«Здесь все такое плоское, Уорни! — говорил он. — Ни моря, ни каменных изгородей, ни белых коттеджей...»

«Зато какие просторы, — отзывался брат. — А стога совсем другой формы!»

Джек уже тосковал по родным холмам графства Даун. Его неприязнь к Англии прошла не скоро.

Если новая страна не вызвала у мальчика положительных эмоций, то к винардской школе в Уотфорде он испытал настоящую ненависть. Это была небольшая подготовительная школа, рассчитанная на девять пансионеров и столько же проходящих учеников. Директором был человек, известный своими пугающими странностями. Дети прозвали его Старикан.

«Так вот ты где, Риз, дрянной мальчишка! - кричал он с порога, заходя в класс после завтрака. — Если не слишком устану, задам тебе днем хорошую порку. Большинство учеников не понаслышке знали о ней. Доходило до того, что учитель укладывал свою жертву на скамейку в одном конце класса, а сам разбегался из другого конца, чтобы удар был сильнее. Один мальчик, который вытерпел не одну такую порку, решил молча сносить наказание. За все время он не проронил ни звука, и только с последним ударом из его груди вырвался жуткий вопль. Ученики наблюдали сцену в гробовом молчании.

Возможно, Старикан был сумасшедшим. Он подпрыгивал и кружился по классу, точно дрессированный медведь.

В винардской школе занимались только арифметикой. Другим предметам уделялось незначительное внимание. После утренних занятий Старикан спрашивал у каждого ученика число решенных примеров.

«Пять», — неизменно отвечал Уоррен.

«Почему ты каждый раз называешь это число?» — как-то спросил его Джек.

«Я действительно решаю пять задачек, это чистая правда. Просто примеры всегда одни и те же!»

В штате учителей состояло три человека: директор Старикан, его взрослый сын по прозвищу Малыш и младший учитель. Младшие учителя в этой школе долго не задерживались. Один, например, проработал всего неделю! Поскольку за детьми особенно не следили и никто не проверял выполнение арифметических задачек, Уоррен нашел лазейку и переписывал уже решенные примеры.

Кормили в Винарде отвратительно. Спальни не отапливались, туалеты не чистились. Дети жили в ужасных условиях. К. С. Льюис писал об этом периоде так: «Радости не было. Она была попросту забыта». Позже он назвал школу Бельзеном, по названию фашистского концентрационного лагеря времен Второй мировой войны.

Изредка ученикам позволялось выходить за школьную территорию. Джек с друзьями покупал конфеты в деревенских лавочках, прогуливался вдоль канала или сидел на берегу, наблюдая за поездами, выходящими из депо. Ребят объединяла ненависть и страх перед Стариканом.

Ночью, когда другие спали, Джек глядел на небо через незанавешенные окна огромной спальни. Он смотрел на Луну и звезды, слушал шум ветра. Бывали и грозы, но чаще всего мальчик видел туман, окутывающий школу. Мир представлялся ему таинственным и непостижимым. Эти детские впечатления удивительно красиво переданы в описаниях ночных пейзажей Нарнии. Читатель отчетливо видит сердце нарнийской зимы, чувствует ее леденящий холод. Лунный свет мягко касался предметов, придавая им волшебные очертания. Глядя на них из своей кровати, Джек уносился в воображаемый мир, удивительный и загадочный. Интересно отметить, что многие события в повестях Льюиса происходили именно лунной ночью. Герои его рассказов терпеть не могли школу, а сказочные приключения их ожидали ночной порой. Так, например, Джил Поул, которую великий Лев Аслан послал вызволить из беды принца Рилиана, пришлось совершить ночной полет на спине огромной совы. В «Серебряном кресле» К. С. Льюис так описывает это путешествие: «Хотя небо затянули облака, полоска бледного серебра выдавала, где спрятался месяц... Порывами дул ветер, предвещая дождь».

Такие картины видел Джек из окна школьной спальни задолго до написания «Серебряного кресла».

Возвращение домой в Ирландию в конце долгой мучительной четверти казалось Джеку чудесным освобождением из темницы. Трудно передать радость, которую он испытал, снова оказавшись в родном «Маленьком лужке». К счастью, в 1910 году винардская школа была закрыта. Перед Альбертом Льюисом вновь встала проблема выбора школы для Джека. Отец даже не подозревал, сколько бед принесла сыновьям его ошибка с первой школой. На этот раз он решил послать Джека в пансион при большом Кэмпбелловском колледже в Белфасте. Массивное здание из красного кирпича находилось всего в миле от их дома. Джек мог навещать отца по воскресеньям.

Школа была построена, чтобы ирландские мальчишки могли получать серьезное образование, не пересекая Ирландское море. Там постоянно кипела какая-то работа, кто-то приходил, кто-то уходил. Джек сравнивал свою школу с шумным многолюдным вокзалом. Он попал в Кэмпбелловский колледж в возрасте двенадцати лет. К сожалению, здесь много дрались. Мальчишки заключали пари

об исходе поединков, которые сопровождались воплями и криками болельщиков. Над младшими учениками здесь нередко издевались.

«Держи его!» — Ватага ребят подхватила Джека под руки и потащила по коридорам в темную комнату. Там уже томились другие мальчишки, ставшие жертвой набега.

«Наклонись!» — звучал приказ, и пленники, получая пинок, словно растворялись в воздухе.

Дошла очередь и до Джека. «Теперь ты», — услышал он и тут же почувствовал, что падает в провал в стене. Он оказался в угольном погребе. Сверху доносилось радостное ликование захватчиков. Спустя некоторое время, грязного и усталого, Джека отпустили.

И все же это было лучше тюрьмы Старикана! Джек не так уж страдал от школьных забияк. У него появился прекрасный учитель английской литературы по прозвищу Окти. Он открыл мальчику мир поэзии, любовь к которой тот сохранил на всю жизнь. Окти не мог предположить, что его двенадцатилетний ученик в один прекрасный день станет известным христианским писателем, чьи книги разойдутся по всему свету. Сколько людей после их прочтения обратится к Христу! Но все это было еще впереди. А пока Джек распахнул свое сердце навстречу красоте и силе поэзии. Шла осень 1910 года, листья, медленно кружась, падали на аллеи Кэмпбелловского колледжа.

Окти, чье имя в действительности было Д. А. Макнейлл, оказал огромное влияние на своего ученика.

В середине первой четверти Джек заболел, и отец забрал его домой на шесть недель. Это были замечательные дни в жизни Джека! Он очень сблизился с отцом. Мальчик много читал, писал, испытывая при этом истинное наслаждение. Отец почти не бывал дома. «Маленький Лужок» с его большими пустыми безмолвными комнатами казался Джеку «освежающей ванной после многоголосого шума Кэмпбелла».

В Белфасте готовились к Рождеству. Об этом свидетельствовали яркие огни и чудесные подарки под сотнями рождественских елок. Это время в «Маленьком лужке» всегда было радостным и веселым.

Никто в семье не знал о нависшей над Европой войне, которая каждый день будет уносить на Западном фронте 2 533 человек убитыми, 9121 ранеными и 1164 пропавшими без вести. Британской армии предстояло переместиться в темные землянки и траншеи, прорытые во фрикуртских известняках и ла-басской глине.

Школа Коротышки

*«Жизнь — череда занятий и каникул, пока не закончишь школу.
А потом работа, работа, работа до самой смерти»*

К. С. Льюис в тринадцать лет

«Дай-ка еще одну сигарету, Уорни», — попросил Джек. Ему было уже тринадцать. Братья чувствовали себя вполне уверенно, расположившись в уютных креслах ливерпульской гостиницы, где они просматривали журналы в ожидании поезда. Им предстоял путь на юг страны в новую школу. Утомительное морское путешествие из Белфаста осталось позади, и ребята наслаждались свежестью утра и обретенной свободой.

Но вот они сошли с поезда, и вскоре Джек увидел высокое белое здание. Новый директор был полной противоположностью Старикана. Здесь заботились о детях.

«Добро пожаловать в Шербург! — приветствовала прибывших пансионеров школьная воспитательница. — Не сомневаюсь, вам здесь понравится».

Джек действительно был счастлив, во многом благодаря ее заботе и чуткости. Добрая, ласковая женщина всегда подбадривала и утешала своих подопечных. Мальчики были оторваны от родителей, и она ухаживала за ними во время болезни и всячески опекала. Джек, рано потерявший мать, очень привязался к своей воспитательнице.

Но, как ни странно, именно она подорвала у мальчика веру в Бога. Воспитательница беседовала с детьми на разные темы, общаясь с ними как со взрослыми. Она не была христианкой, но стремилась обрести твердую веру. Сильное влияние оказал на нее оккультизм, сама идея возможного общения с духовным миром. Рассказы о спиритизме неожиданно увлекли Джека.

«Мало-помалу, — вспоминал он, — она подточила все основания моей веры... И вскоре я заменил «верую» на «чувствую»: верить было не во что».

В соответствии с новыми убеждениями, Джек решил, что следует верить только тому, что «успокаивает» или «впечатляет». Позднее он осознал, что в его неверии была виновата не только воспитательница. За всем этим стоял дьявол, который и увлек его на ложный путь. Именно сатана и собственная греховность Джека заставляли подростка слушать и принимать подобные представления о жизни.

Под руководством директора шербургской школы, которого прозвали Коротышкой, Джек развивался интеллектуально. Но вместе с тем у него формировалось негативное отношение к миру в целом. Хотя Коротышка давал ему великолепные знания по латыни и английскому языку и Джек считался первым кандидатом на стипендию Мэлвернского колледжа, на душе у него было невесело.

«Жизнь, — говорил он товарищу, — череда занятий и каникул, пока не закончишь школу. А там — работа, работа, работа до самой смерти».

Поразительно, как случай может повлиять на человека и на его отношение к жизни. Джек возненавидел одного учителя, когда тот запретил подавать милостыню нищему, приходившему к воротам школы.

Чуткий, мягкосердечный Джек не мог понять, почему ему не разрешают помогать этому несчастному. Постепенно он стал разочаровываться в людях, замечая их черствость, и дошел до крайней степени пессимизма, усвоив горькую истину: «Все выйдет именно так, как тебе не хочется. То, что нужно выпрямить, непременно согнется, то, что пытаешься согнуть, обязательно выпрямится. Важные узлы окажутся непрочными, а те, что хочешь развязать, — крепкими». Свой зарождающийся атеизм он выразил словами Лукреция: «Если бы Бог создал наш мир, он не был бы столь порочным и несовершенным, каким мы его видим».

В период с 1911 по 1913 годы Джек попал под сильное влияние учителя по прозвищу Щеголь. Это был настоящий «светский лев», наделенный острым умом и чувством юмора. Он приучал ребят следить за своей одеждой и всегда выглядеть модными.

Джек отмечал, что постепенно начал превращаться в сноба. Он стал напояживать голову маслом, заучил все последние анекдоты, суть которых Щеголь всегда разъяснял. У подростка

появилось стремление к блеску, шику, желание вращаться в светских кругах. Впоследствии Джек с горечью вспоминал этот период. Щеголь сумел убить в нем «детские наивные, далекие от эгоизма черты», которыми обладал мальчик. Теперь же все шло в согласии с честолюбивыми замыслами Джека. Ему хотелось одного: стать «самоуверенным щеголем и снобом».

Джек всерьез увлекся своей учительницей танцев. Постепенно взрослея, он уже не мог с христианской верой противостоять «острым стрелам лукавого». Джек утратил веру в любящего Небесного Отца, Который всегда рядом, чтобы защитить и утешить. Огромный мир представлялся ему опасным и недружелюбным.

«Давай сходим в «Империял!», — предложил Уоррен, когда в конце семестра братья снова оказались в Ливерпуле. До отплытия белфастского парома было еще достаточно времени.

Они, как обычно, поужинали в ресторане вареными яйцами и чаем. Уоррена всегда тянуло в театр «Империял», с его обилием развлекательных песен и комических номеров.

«Я что-то не люблю эти шоу, — заметил Джек. — Терпеть не могу плохую игру, когда шутки комиков глупы и неостроумны».

В субботние вечера отец ребят нередко навещался на белфастский ипподром, и во время каникул мальчики ездили вместе с ним. Джеку нравились скачки, но еще больше манили его домашние пирожки, приготовленные кухаркой Анни Стрехен. Всякий, кто знаком с ирландской кухней, поймет его нетерпеливое ожидание ужина!

Незадолго до окончания шербургской школы Джеку попался в руки литературный журнал. Его внимание привлек заголовок «Зигфрид и сумерки богов».

В тот миг, по словам Джека, «мир перевернулся». Ничего не зная о самой книге, он был потрясен иллюстрациями к древней скандинавской саге. Их автором был художник Артур Рекхем. Внезапно на Джека повеяло суровое дыхание «настоящего Севера», бескрайних просторов далеких неосвоенных земель. Воображение уносило его к пустынным холодным берегам, лежащим за Атлантикой, и к долгим сумеркам северного лета. Ведь даже на Шетландских островах в летнюю ночь можно читать газету прямо в саду! Словно кто-то невидимый звал его издалека. Джек полюбил музыку Вагнера, в особенности ту, в которой композитор увековечил древние легенды о прославленном герое Зигфриде. Он купил записи четырех опер Вагнера и, вдохновленный, написал большую поэму о Зигфриде в четырех частях.

Как-то летом Уоррен и Джек гостили у своего кузена в небольшом предместье Дублина. Местечко называлось Дандрам.

«Ты только посмотри, — воскликнул Джек. — Это же моя любимая книга о Зигфриде с иллюстрациями Артура Рекхэма!»

Он совершенно случайно наткнулся на нее в гостиной.

«Она действительно так дорога тебе?» — спросил его Уоррен.

«Я готов отдать все, чтобы иметь ее у себя».

К счастью, Джеку удалось найти более дешевое издание за пятнадцать шиллингов.

«Давай поделим расходы пополам», — предложил брат.

«Но ведь тебя совершенно не интересует скандинавская мифология».

«Это так, но я с радостью дарю тебе половину нужной суммы». — Уоррен искренне любил своего брата.

Трудно переоценить роль, которую сыграла эта книга в жизни будущего писателя. От рождения он был наделен умением переноситься в своем воображении в другие миры, куда впоследствии пригласил своих читателей.

Джека восхищали истории о скандинавских богах, в которых он не верил. К сожалению, и истинный Бог был ему по-прежнему неведом.

Летом 1913 года подошло время готовиться к вступительным экзаменам в Мэлвернский колледж. Но в день экзаменов Джек слег с высокой температурой. Было решено допустить его к конкурсу заочно. Он сдавал экзамены прямо в постели. Несмотря на слабость, Джек выдержал испытания и получил возможность учиться.

«Это было высшее достижение в его карьере», — вспоминал потом Уоррен. Джека приняли в Мэлвернский колледж, поскольку приближалось к концу его обучение у Коротышки. Юного студента окрыляли открывшиеся перспективы, и новые надежды переполняли его. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Новые невзгоды

*Окружающий мир был жесток,
и юный Джек окончательно разуверился в религии.*

Первые дни в новой школе прошли в суете и тревоге. Согласно правилам, все ученики были обязаны участвовать в спортивных играх. Джек терпеть не мог заниматься спортом, но выбирать не приходилось. Он помчался в главный корпус, чтобы узнать номер своей команды. Но там толпился народ, и Джеку ничего не удалось разглядеть.

Он уже собирался уходить, как вдруг его окликнули.

«Слушай, Льюис, — сказал мальчик, стоявший у кабинета старосты, — я знаю номер твоей команды. Мы оба в Б-6».

Мальчика звали Фрибл. Джек страшно обрадовался и искренне поблагодарил нового друга. Время шло, но, регулярно изучая доску объявлений, он ни разу не встретил свою фамилию в списке «Б». Джек подумал, что его освободили от игр, и облегченно вздохнул. Но радость была недолгой — выяснилось, что Джека записали в другую команду. Фрибл попросту разыграл его.

Вскоре Джека вызвали на совет старост.

«Директор колледжа выпорот тебя при всех за прогулы спортивных занятий, — объявил пришедший за ним ученик и язвительно добавил: — Ты здесь кто? Пустое место! А директор — самый важный человек».

Джек стойко вынес порку, но его отношение к школе в корне изменилось. Появился комплекс неполноценности, Джек чувствовал себя отверженным всеми, «гадким утенком». Ему было одиноко. «Слушайте, Льюис, а ведь этот перевод Горация просто великолепен!» — заявил однажды директор. Для пятнадцатилетнего мальчика эта похвала многого стоила. Джека перевели в старший класс. Но нормальной работе мешала царившая в престижных британских школах «дедовщина». Старшеклассники, прозванные в Мэлверне «кровопийцами», — заставляли младших выполнять за них всю грязную работу.

«Льюис! — кричал, бывало, кто-нибудь из «кровопийц». — Почисти мою офицерскую форму!»
«Льюис, приberi в моей комнате!» «Льюис, приготовь-ка мне чай!» Джек ненавидел эти окрики.

Он был вынужден прерывать свою работу, бегая с различными поручениями. День за днем Джек простаивал в очереди за щетками и ваксой, чтобы начистить ботинки кому-нибудь из старших учеников. Сапожная комната располагалась в темном зловонном погребе, где холод пробирал до костей.

Вообразите, каково было ему тринадцать долгих недель находиться в обществе мальчишек, обожавших спортивные игры, если сам он их терпеть не мог. Джеку приходилось притворяться. Бедняга! На школьных соревнованиях он громко кричал вместе со всеми, презирая в душе происходящее. Кроме того, Джек стремительно рос, и это тоже отнимало силы, «Уставал как собака, как ломовая лошадь» — так описывал он свое состояние в Мэлверне. Мальчик с нетерпением ждал прихода ночи, когда можно было наконец отдохнуть от дневной суматохи и неразберихи.

Но по ночам его мучила зубная боль, и он со страхом встречал рассвет нового дня.

Унылое течение жизни в Мэлверне порой прерывалось. «Ага, попался Льюис!» — и в комнату Джека врывался мальчишка с револьвером в руке. Он был ирландским графом и никогда не расставался со своим оружием. Зарядив барабан, он целился в голову Джека, отсчитывая секунды перед спуском курка. Жизнь мальчика зависела от меткости нового мучителя. Граф курил трубку, нисколько не считаясь с правилами колледжа, и нередко совершал загадочные ночные экспедиции. Фактически, Джек постоянно находился под угрозой издевательств «кровопийц» и выстрела в голову. И только две вещи помогали ему переносить эти тяготы. Во-первых, библиотека колледжа, которая получила название «бастион». В ее стенах Джек был надежно защищен от посягательств старших учеников. Он сидел в библиотеке, целиком погрузившись в чтение. Летом в открытые окна читального зала долетал шум крокетного матча. Но то были звуки другого мира.

Во-вторых, к этому времени Джек уже познакомился с мальчишками, разделявшими его любовь к литературе и поэзии.

Таким образом, в Мэлверне существовало два совершенно чуждых друг другу мира. Джек от души ненавидел всю систему школьного образования, но одновременно испытывал внутреннюю радость от изучения скандинавских, кельтских, греческих и римских мифов. Окружающий мир был жесток, и юный Джек окончательно разуверился в религии.

В конце второго семестра Джек не выдержал. Он послал отцу письмо, в котором умолял забрать его из школы.

«Я искренне сожалею обо всем, — сказал Альберт Льюис, когда сын приехал домой на Пасху. — Знаешь, мы с Уорреном постоянно ссоримся. Он все время грубит и обижается, когда я интересуюсь его делами. Мэлверн не пошел ему на пользу».

Мистер Льюис забрал старшего сына из Мэлвернского колледжа и отправил к своему бывшему наставнику, вышедшему уже на пенсию мистеру Киркпатрику. Он жил с семьей в Вукхеме, в графстве Суррей. В прежние годы Киркпатрик был директором Лурганского колледжа в Арме. Теперь он готовил Уоррена к поступлению в Сэндхерстское училище для будущих офицеров. Под руководством опытного учителя юноша делал большие успехи.

«Осенью я мог бы послать и тебя к мистеру Киркпатрику, — предложил Джеку отец. — С ним ты сможешь подготовиться к Оксфорду. Возможно, жизнь у пожилых супругов покажется тебе скучной, но это лучшее, что можно сделать в нашей ситуации».

Джек не верил своим ушам. Изучать любимые предметы вдали от «кровопийц» с их претензиями! И никаких спортивных игр! Удача улыбнулась ему наконец. Всего один семестр отделял его от долгожданной свободы.

Ростки счастья

*«Я встану под ружье, но не ранее положенного срока.
Я погибну в вашей войне, если потребуется, но до этого момента я буду жить своей жизнью.
Вы можете распоряжаться моим телом, но не разумом».*

К. С. Льюис перед уходом в армию в 1917 году

Как-то перед самым отъездом Джека на летний семестр в колледж ему пришло письмо. Живущий по соседству Артур Гривз поправлялся после серьезной болезни и приглашал Джека к себе. Этот мальчик неоднократно пытался завязать дружбу с братьями, но безуспешно.

Уоррен уже учился в Сэндхерсте. Джек был один и решил заехать к Артуру. Он застал его в постели. На столике у изголовья лежала книга «Мифы северных народов».

«Тебе это нравится?» — спросил Джек.

«А тебе?» — в свою очередь спросил Артур.

«Конечно, нравится».

Оба мальчика серьезно увлекались скандинавской мифологией. Они кричали от волнения, обнаружив удивительное сходство вкусов. Раньше Джеку не верилось, что кто-то разделяет его взгляды на жизнь. Теперь он встретил родственную душу.

«Давай читать вместе, — предложил Джек. - А потом сравним наши записи».

Мальчики вместе бродили по Голливудским холмам графства Даун. Льюис очень любил эти места. Названия Стормонт, Комбер, Ньютаунардс, Скрейбо Хилл, Крейгантлет, Нокнагони звучали для Джека как музыка.

И в самом деле, в пейзажах Нарнии явственно проступают черты Северного Дауна: маленькие поля с множеством изгородей. Все было сплошь покрыто удивительным ярко-желтым кустарником. Иногда попадались заброшенные карьеры, заполненные водой. Здесь по траве гулял ветер с Ирландского моря, а над пахарями с криком носились чайки. Джек мог собирать грибы, а затем

смотреть вниз на огромные краны верфи Харланда и Вульфа. Именно здесь был недавно спущен на воду знаменитый «Титаник»

Природа Нарнии напоминала Едемский сад, каким его видел Джек. Вся история Нарнии говорила об этом. А Голливудские холмы стали его собственным Едемским садом!

Но в то лето, когда Джек вернулся в Ольстер после последнего семестра в Мэлверне, Европа не была райским уголком.

Тогда Чарли Чаплин снискал себе славу в Голливуде, а танго покорило все танцплощадки. Европа же больше походила на пороховую бочку. Мировая война приближалась с катастрофической быстротой. Германия увеличила военные расходы на пятьдесят процентов. 28 июня 1914 года наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд ехал с женой в легковом автомобиле по улицам Сараева. Внезапно брошенная бомба упала на сиденье машины, не разорвавшись. Эрцгерцог бесстрашно подобрал ее и бросил назад. Но в тот же день было совершено второе покушение. Девятнадцатилетний боснийский студент Гаврила Принцип метнул еще одну бомбу. Франц Фердинанд погиб. Его убийство стало поводом для начала военных действий. Уже к 17 августа 1914 года свыше полутора миллионов человек восьми стран были вовлечены в страшную европейскую войну, какой еще не знала история.

Джек понимал, что скоро достигнет призывного возраста.

«Я встану под ружье, — писал он, — но не ранее положенного срока. Я погибну в вашей войне, если потребуется, но до этого момента я буду жить своей жизнью. Вы можете распоряжаться моим телом, но не разумом».

Два года Европа истекала кровью в тяжелых боях, задыхаясь от отравляющих газов. В одном только Соммском сражении погибло 60 000 человек. Но именно этот период был одним из самых счастливых в жизни Джека. Он вновь пересек Белфастский залив на ирландском пароме. Из Ливерпуля он отправился на лондонский вокзал Ватерлоо, а оттуда — в Большой Букхем в графстве Суррей. Повсюду Джек видел солдат, прощавшихся с близкими перед отправкой на фронт. Он ехал к человеку, которому предстояло сыграть важную роль в его судьбе. За окном вагона проносились леса, холмы и долины Суррея, усеянные деревянными домиками с черепичными крышами. Джек пытался представить своего нового наставника, мистера Киркпатрика. На вокзале Большого Букхема его встретил рослый мужчина с усами и бакенбардами. Джеку запомнилось его крепкое рукопожатие.

«Мы идем по главной дороге, соединяющей Большой и Малый Букхем», — начал беседу мистер Киркпатрик, направляясь от станции. Джеку хотелось поближе узнать этого человека.

«Проезжая по землям Суррея, я был немало удивлен, — робко заметил он. — Здесь намного пустынее, чем я мог предположить».

«Позвольте! — Мистер Киркпатрик вскричал так неожиданно, что Джек даже подпрыгнул. — Что значит «пустынее», и какие у вас основания для подобного предположения?»

Джек видел, что тот говорит серьезно. Киркпатрик действительно пытался его понять! Этот человек признавал одну только логику и требовал от окружающих обоснованных утверждений. После нескольких неудачных попыток убедить собеседника Джек согласился, что не имел никаких оснований для употребления слова «пустынный» в описании сельских пейзажей Суррея.

«Теперь вам ясно, что ваше замечание лишено смысла?» — заключил мистер Киркпатрик.

Беседа длилась не более трех минут, но Джек понял, что их дальнейшее общение с профессором будет протекать в том же духе. Киркпатрик был беспощаден в спорах, но Джеку нравились их словесные поединки. Великому Критику, как прозвали Киркпатрика братья Льюисы, удалось развить в мальчишке важное качество, сохранившееся на всю жизнь, — умение дискутировать по любому предмету, опираясь на логику.

«Да, мистер Киркпатрик, люди все разные, - заметил как-то его сосед. — Вы либерал, а я консерватор. Мы смотрим на вещи под разным углом».

«Что вы хотите этим сказать? — удивился старый профессор. — Уж не пытаетесь ли вы представить либералов и консерваторов разглядывающими некий факт по разные стороны стола, на котором он лежит?»

Сосед больше не предпринимал попыток завязать с ним беседу.

Бывший директор Лурганского колледжа любил повторять следующую фразу: «Ты можешь легко стать просвещенным, но выбираешь невежество».

«Приношу свои извинения», — говорил, бывало, Великий Критик в разгар дискуссии. Это означало, что слова собеседника его убедили.

Удивительно, что человек, обучавший Джека логике, был атеистом. Ему и в голову не приходило, что его юный ученик станет выдающимся христианским писателем двадцатого столетия. Воистину, пути Господни неисповедимы. Приобретенная логика сослужила Льюису хорошую службу, когда впоследствии ему пришлось отстаивать свою веру.

Жизнь в Большом Букхеме кому-то могла показаться скучной. Джека она вполне устраивала. Позднее он говорил, что предпочитает именно такой образ жизни. Завтрак подавали в восемь утра, и уже в девять Джек приступал к занятиям с мистером Киркпатриком. Уроки проходили в небольшом кабинете на втором этаже. Преподавание было таким блестящим, что Джек вскоре начал думать по-гречески, не вспоминая о переводе.

В одиннадцать часов их работу прерывала миссис Киркпатрик, внося в кабинет Великого Критика поднос с кофе или чаем. «Нет кружки, способной вместить в себя весь чай, который я готов выпить», — шутил Джек. Он мог чаевничать в любое время. После перерыва юноша занимался до часу дня.

Затем следовал ланч, и Джек отправлялся на прогулку. «Похоже ты собираешься исходить здешние окрестности вдоль и поперек», — удивлялся профессор. Джек наслаждался свободой, любуясь долинами, лесами и деревушками Суррея. В четыре часа подавали чай, а в пять Джек снова усаживался за рабочий стол. Так он работал до семи вечера. Время после ужина отводилось для общения и встреч с друзьями. В одиннадцать Джек ложился спать.

Их размеренную жизнь в Букхеме прервал визит Уоррена. Он уже получил офицерский чин британской армии и возвращался домой после сражений во Франции. В новенькой форме младшего офицера, он заехал за братом, чтобы вместе отправиться в «Маленький лужок». Это были уже не те подростки, тайком попыхивающие сигаретами в Ливерпульской гостинице, ожидая паррома. Теперь у Уоррена завелись деньги, и он купил билеты в купе первого класса, а затем — в каюту-люкс паррома. Начинаящий ученый и молодой офицер остались верными друзьями, как и прежде.

Интересно подмечено, что поворотные события в нашей жизни нередко совершаются при

случайных обстоятельствах. Так произошло и с К. С. Льюисом. Как-то холодным осенним вечером он ожидал своего поезда на платформе Летерхедского вокзала в Суррее. Джек нередко навещался в Летерхед, чтобы постричься и заглянуть в книжный магазин. В тот вечер на длинной деревянной платформе стояли только он и носильщик. Холмы окрасились в фиолетовый цвет, небо мерцало холодом. Надвигались сумерки, и, вдыхая морозный воздух, Джек расхаживал по пустынному перрону. Совсем озябнув, он завернул в вокзальную книжную лавочку. На глаза попала книга в потрепанном переплете, озаглавленная «Фантазии, сказочные романы Джорджа Макдональда». Он выбрал ее, и тут подошел поезд. «Букхем, Эффингхем, Хорсли!» — громко выкрикивал кондуктор названия следующих станций.

«Как же холодно сегодня, — думал шестнадцатилетний Джек. — Вот бы оказаться сейчас в теплой кровати!» В вагоне он устроился в уголке и принялся изучать купленную на вокзале книгу. Джордж Макдональд родился в поместье недалеко от шотландского городка Хантли в графстве Абердиншир. Он был богословом, мистиком, поэтом и проповедником. При этом он был отцом одиннадцати детей! Макдональд написал свыше пятидесяти книг, тридцать из которых разошлись огромными тиражами. Джек с интересом углубился в чтение.

«Удивительная книга, — думал он. — Как это похоже на мои любимые мифы и легенды».

Но здесь было нечто большее. Джордж Макдональд был христианином, и в его сочинениях звучало то, что Джек называл впоследствии «голосом святости». Бог свят. Это означает, что Его невозможно сравнить ни с чем. Он всемогущий и благой. Святость противостоит греху. Святой Бог хочет и нас видеть таковыми. Это становится возможным для верующих в Его Сына, Иисуса Христа. В те дни Льюис был еще далек от веры в Бога, но, читая роман Макдональда, аллегорически описывающий духовный путь из бренного мира в Небесное Царство, Джек почувствовал, что «голоса, зовущие издалека, заговорили совсем рядом». Он ощутил сильное желание измениться, «переделать себя». — он уже был близок к осознанию своей греховности. Джеку еще предстоял долгий путь духовного пилигрима, но тогда он как будто впервые заметил, какой яркий свет исходит со страниц книги, буквально преображая реальный мир. Джек был глубоко тронут прочитанным.

Пройдет немало лет, и его собственные книги поведут читателей на «святую гору Господню», а пока — поезд не спеша увозил Джека в ночь, сам же он медленно, но неуклонно двигался к Свету.

В окопах

Глухой ночью 7 апреля 1918 года тишину разорвал рев 2500 орудий, посылавших тысячи снарядов в сторону Арментьера. Воздух наполнился отравляющим газом.

Зимним утром 1916 года на прославленный город Оксфорд повалил снег. Он засыпал ветки плюща, обвившего здание студенческого общежития, часовню Святой Магдалины и покрыл булыжники площади Редклиф. Вскоре земля превратилась в белый ковер, а река Червелл затянута корочкой льда.

В этот день юноша из Ольстера пришел в здание Ориел, чтобы держать экзамен на поступление в Оксфордский университет. Стояла такая стужа, что юноша не снимал перчатку, с левой руки. Ректор раздал абитуриентам бумагу, и Джек (а это был он) приступил к написанию эссе. Сдав работу, он вернулся в Ирландию в полной уверенности, что провалился. Джек ошибался. В канун Рождества пришло сообщение, что он зачислен в Университетский колледж.

Джек снова оказался в Букхеме у Великого Критика, чтобы подготовиться к экзамену, обязательному для всех студентов Оксфорда. Туда входили и математические задачи.

«Я не справлюсь с математикой, мистер Киркпатрик, я безнадежно путаюсь в цифрах. Мне никогда не сдать этот экзамен».

«Не сдавайся, Джек, мы должны попробовать. Без этого ты не сможешь попасть в Оксфорд».

Несмотря на подготовку, Льюис провалился. Это был единственный экзамен, который Джек так никогда и не сдал. После Первой мировой войны вышел приказ по университету, освобождавший от этого экзамена всех фронтовиков. К. С. Льюис не раз повторял, что, если бы не эта уступка, ему пришлось бы отказаться от поступления в Оксфорд.

Летом 1917 года Джек жил в Оксфорде, готовясь к зачислению в университетский офицерский учебный корпус. Он много занимался алгеброй с мистером Кэмпбеллом из Хертфордского колледжа в надежде одолеть математику.

Джек поселился в Киблском колледже в одной комнате с молодым курсантом Пэдди Муром. Юноши крепко сдружились.

«Скоро я получу отпуск и поеду домой в Ирландию», — сказал как-то Джек.

«А хочешь погостить у нас? — предложил Пэдди. — Мы с мамой будем очень рады».

«Ловлю тебя на слове», — отвечал Джек.

Отпуск они провели вместе. К сожалению, Джек все больше удалялся от отца. Мистер Альберт Льюис не понимал своего сына. Отец не выносил, когда его отрывали от привычных занятий. Получив в ноябре 1917 года телеграмму, в которой Джек просил его приехать в Бристоль проститься с ним перед отправкой на фронт, Альберт телеграфировал сыну, требуя объяснений. Но было поздно. Джек уже отплыл во Францию на Западный фронт, так и не повидавшись с отцом. Он был удручен несостоявшейся встречей. Будущее рисовалось ему смутным и тревожным.

Его последний семестр в Оксфорде был необычным. Половину здания колледжа отвели под военный госпиталь, в другой половине поселили студентов. Джек постигал азы военной науки и по окончании семестра был призван в звании младшего лейтенанта в Сомерсетский пехотный полк. В день их прибытия во Францию Джеку исполнилось девятнадцать лет.

Пересев на руанский поезд, Джек оказался в холодном вагоне вместе с другими офицерами. Ночное путешествие длилось пятнадцать часов. При выезде из Руана поезд, проходивший по туннелю, сильно трянуло. Раздался страшный грохот. Дверь вагона, в котором екал Джек, отбросило в темноту.

На следующей станции к ним ворвался разъяренный старший офицер. «Ваша выходка, господа, просто возмутительна!» — заявил он, «Какая выходка?» — изумились молодые люди. «Ваши развлечения дошли до того, что вы сорвали дверь!»

Джек рассмеялся. Это же надо додуматься — четверо офицеров морозной ночью станут выламывать дверь вагона, не имея под рукой даже отвертки!

В первую ночь во Франции их разместили в огромной палатке на сто человек.

«Похоже, ты немного растерялся», — обратился к Джеку канадский офицер.

«Пошли с нами, мы покажем, где устроиться», — предложил другой канадец. Джек, который и в самом деле растерялся среди множества незнакомцев, с радостью принял их помощь.

В офицерском клубе в Аррасе к Джеку подошли два молодых человека. Нашивки и красные петлицы на мундирах красноречиво свидетельствовали об их высоком штабном чине. Но офицеры обращались с ним как с равным. Пригласив Джека к своему столику, они угостили его бренди и сигарами.

Льюис хранил воспоминания не только о дружбе и товариществе. На его глазах разыгрывалась трагедия человечества. В марте 1917 года немецкое командование бросило на Западный фронт три миллиона солдат. В августе того же года союзные войска под командованием генерала Хейга выпустили по позициям противника четыре миллиона снарядов. Ситуация обострялась из-за непрекращающихся дождей. Вода заливала британские окопы. Солдаты падали в заполненные воронки и тонули под тяжестью ранцев. На полях Фландрии маки росли в промежутках между рядами крестов на свежих могилах. За время наступления генерала Хейга погибло свыше ста пятидесяти тысяч солдат. Такова была цена отвоеванного у немцев небольшого участка земли в шесть миль.

Среди этого кошмара Джек встречал немало людей, которые, как и он, были учеными и литераторами. В одном батальоне с ним служил человек по фамилии Джонстон. Он был немного старше Джека и работал в Королевском колледже в Оксфорде. Они подолгу обсуждали волнующие темы. Джонстон приближался к вере в Бога и оказывал сильное влияние на Льюиса. Джек радовался, что наконец нашел друга на всю жизнь, но радость была недолгой. Джонстон погиб в бою.

В разгар военных действий Джека свалила «окопная лихорадка». С высокой температурой он был отправлен в госпиталь в рыбацкий поселок Ле-Трепор. С чем можно сравнить три недели тишины и покоя после тяжелых боев! Больничная койка и книги стали для Джека верхом блаженства. Госпиталь размещался в здании гостиницы, и там он впервые познакомился с сочинениями известного христианского писателя Г. К. Честертона. Джек постепенно начинал обращаться к вере.

Отпуск был недолгим, и он снова вернулся в окопы. Это совпало с наступлением немцев на Западном фронте. За несколько дней все территории, завоеванные генералом Хейгом в Пашендельской кампании, отошли к противнику. Оглушительные разрывы снарядов, грохот, сотрясения земли и летящие комья грязи стали частью повседневной жизни. Позднее Джек вспоминал одну историю. Укрываясь как-то в окопе от немецких пуль, он заметил маленькое существо. Дрожа от страха, возле мутной лужи сидел мышонок. Зверек боялся Джека, но шум, доносящийся снаружи, пугал его еще больше, и он не двигался с места.

Джек сделал шаг в его сторону. Мышонок не шевелился. Ему было слишком страшно. Так он и сидел, глядя вслед уходящему Джеку. Кто знает, может, зверьку и удалось спастись во время недолгого затишья. Джек запомнил этот случай.

«Вы в порядке, лейтенант?» — неизменно обращался к Джеку сержант Эйрес. Его звали Уолли. Простой деревенский парнишка преданно служил своему офицеру.

«Дайте мне только добраться до этих немцев!» — любил повторять Эйрес.

«Мне ни разу не доводилось встречать людей, подобных вам, сержант, — удивлялся Джек. — Вы единственный человек, который рвется в бой».

«Мне бы только добраться до этик немцев», — отвечал Уолли.

В начале апреля немецкие войска под командованием генерала Ландендорфа перешли в решительное наступление. Глухой ночью 7 апреля 1918 года тишину разорвал рев 2 500 орудий, посылавших тысячи снарядов в сторону Арментьера. Воздух наполнился отравляющим газом.

Натянув противогазы, немцы перелезли через бруствер и устремились за нейтральную полосу. Джек и сержант Эйрес сражались у местечка Аррас. Разорвавшийся неподалеку английский снаряд тяжело ранил Джека. Эйрес погиб. А немцы все шли и шли...

Джек снова очутился в госпитале. Война для него закончилась, но тяжелые воспоминания остались на всю жизнь. Он помнил, как, засыпая на марше, вдруг приходил в себя и обнаруживал, что продолжает шагать вместе с отрядом. Перед глазами стояли залитые водой траншеи, по которым он шагал в высоких резиновых сапогах. Вода выше колен. Сапоги дырявила колючая проволока. Ледяная вода потихоньку просачивалась внутрь. Джек не мог забыть тела погибших солдат, попадавшие ему на поле сражения. Некоторые были так изувечены, что напоминали «полураздавленных жуков, все еще шевелящихся на голой земле».

В войне нет ничего достойного. Но люди и сегодня прославляют таких ее героев, как знаменитый на Западе немец фон Рихтофен. Прозванный Красным бароном, он погиб тогда же, когда Джек попал в госпиталь. За два года Манфред фон Рихтофен сбил восемь вражеских самолетов. Он стоял у истоков новой тактики военных действий, в значительной степени перенесенных в воздух. Так было во время Второй мировой и во всех последующих войнах.

В 11.01 утра 11 ноября 1918 года в Европу пришел долгожданный мир. В пять часов на рассвете Германия заключила перемирие, а еще через шесть часов замолчали боевые орудия. Война закончилась. За четыре года на ее полях погибло свыше восьми миллионов человек и двадцать один миллион получил ранения. В конце войны немцы начали призывать в армию даже четырнадцатилетних подростков. Взрослых уже не хватало. Всем казалось тогда, что эта война будет последней.

Джеку исполнился 21 год, когда он снова приступил к занятиям в Оксфорде. Два тяжелых военных года навсегда остались в памяти и далеко увели его от печального детства.

Член ученого совета

«Приезжайте, мне так вас не хватает».

Из письма Джека домой

«Послушай, твой отец из Ирландии настоящий или вымышленный?» — спросил один из приятелей Джека.

«Перестань, — отвечал Джек. — Он действительно существует, просто не может изменить привычный образ жизни».

Это была правда. Проходя курс лечения в лондонском госпитале, Джек отправил отцу одно из самых теплых писем, которые когда-либо писал в своей жизни. «Где бы я не был, я знаю, что вы не оставите меня». — говорилось в нем. Джек сетовал, что ему трудно делиться личным, и винил в этом

английскую систему образования и свое поколение. Он тосковал по Ирландии, по родному дому и умолял отца приехать в Лондон. Только теперь Джек понял, что по-настоящему любил его. «Приезжайте, мне так вас не хватает», — заканчивалось письмо.

Альберт Льюис так и не приехал. Джека перевели в санаторий под Бристолем, где он в одиночестве коротал дни. Из главного здания то и дело доносились радостные возгласы счастливых родителей, нашедших своих сыновей после тяжелой войны. Джеку казалось, что отец его предал.

Подлечившись, Льюис отправился в Лондон на встречу с издателем, который собирался опубликовать сборник его стихов «Душа в оковах». Мистер Хейнеманн оказался маленьким пухлым человечком с большой лысиной. Он все время куда-то спешил.

«Рад вас видеть, мистер Льюис! Пожалуйста, присядьте».

«Мне тоже очень приятно», — отвечал Джек, радуясь, что после всех ужасов войны снова возвращается к любимым занятиям.

«Вы неплохо начинаете, мистер Льюис, — с улыбкой продолжал Хейнеманн. — Знаменитый писатель Джон Голсуорси, автор известной «Саги о Форсайтах», хочет напечатать в своем новом журнале одно из ваших стихотворений».

«Это большая честь для меня», — тихо сказал Джек.

Когда здоровье окончательно окрепло, он немедленно отправился в Белфаст. Джек решил сделать домашним сюрприз и не предупредил о своем приезде. Знакомый стук колес, шум паромы — и вот он уже стучится в дверь. С какой радостью встретили его отец и Уоррен! Это было 27 декабря 1918 года.

«Выпьем шампанского в честь твоего благополучного возвращения!» — предложил за ужином Альберт Льюис. Несмотря на свое неумение общаться с сыновьями, Альберт действительно любил их. В «Маленьком лужке» снова звучали счастливые голоса. Война осталась позади, и их небольшое семейство праздновало это событие.

«Добро пожаловать, мистер Льюис! — радостно приветствовал Джека консьерж старого Оксфордского колледжа. — Рады видеть вас живым и невредимым. Вы чудесно выглядите. Отнести вещи в вашу старую комнату?»

Джек был в восторге, что его узнали. «Эдвардс, здесь стало гораздо приятнее, чем прежде», — заявил он своему товарищу.

Джек был снова покорен величием города-университета, который полюбил навсегда. Но первое собрание его обитателей было невеселым. Зачитывался довоенный список студентов, и многие не отозвались. Война оставила свой страшный след...

В этот период у Джека установились теплые отношения с матерью его старого друга Пэдди Мура. Будучи курсантами, Пэдди и Джек делили комнату в Киблском колледже. Перед отправкой на фронт они дали друг другу слово, что в случае гибели Джека Пэдди будет заботиться о его отце. Если же убьют Пэдди, Джек не оставит без помощи мать товарища.

Что случилось с Пэдди? Начальник отделения личного состава сообщил следующее: «В последний раз его видели утром 24 марта 1918 года на берегу реки, где с небольшой группой он

оборонял позиции от превосходящего по численности отряда противника. Все офицеры и большая часть солдат погибли, поэтому получение более точных сведений не представляется возможным».

Впоследствии миссис Мур узнала, что Пэдди попал в плен, но ему удалось бежать. Его снова послали «наверх». Выражение «наверх» широко использовалось в годы Первой мировой войны и означало пехотную атаку, когда солдаты покидали окопы и под огнем врага пытались захватить новую территорию.

Пэдди был ранен в ногу и упал на поле боя. Денщик делал все возможное, чтобы остановить кровотечение. Но роковая пуля, пробившая голову, оборвала жизнь Пэдди Мура.

Начиная с лета 1919 года Джек жил вместе с миссис Мур и ее дочерью Морин. Одиннадцать лет они снимали в Оксфорде домик. Ни отец, ни Уоррен не одобряли его связь с миссис Мур.

Вот как описывал эту женщину старший брат Джека: «Весьма ограниченная натура, склонная командовать и властвовать». Уоррен сокрушался, что она практически поработила Джека, сведя к минимуму его визиты к отцу. Миссис Мур не давала Льюису заниматься собственной работой, засыпая его бесконечными поручениями по дому. На это у Джека уходила значительная часть времени. Уоррен считал миссис Мур невежественной эгоисткой. За двадцать лет знакомства он ни разу не видел книги в ее руках. Все беседы миссис Мур были посвящены ей самой. Но больше всего Уоррен возмущался тем, что она распоряжалась мизерной стипендией Джека. Стипендия бакалавра, проживающего в колледже, не была рассчитана на аренду дома и содержание семьи. Джек крайне нуждался. Уоррен сетовал справедливо. Джек выполнял практически всю работу по дому. В своем дневнике он писал: «Встал около семи утра, почистил каминную решетку, развел огонь, согрел чай. Прибрал в гостиной, поджарил хлеб, умылся, побрился, позавтракал, вымыл посуду. Поставил варить кусок ветчины. Вышел из дома в полонинадцатого... Вымыл посуду после чая».

Но было ли все так плохо, как считал Уоррен? В конечном счете, нет. Джек называл миссис Мур «мамой», и можно не сомневаться в ее добром к нему отношении. «Она была великодушной и учила этому меня, — говорил Джек своему другу Джорджу Сейеру. — Если бы не она, я ничего не знал бы о повседневной жизни простых людей. Меня словно спустили на землю и заставили работать своими руками».

Благодаря этому опыту Джек мог писать о домашних хлопотах так, как не написал бы ни один академик, далекий от жизненных реалий.

Жизнь в университете была ключом. Джека окружали друзья, яркие незаурядные личности. Они вечно спорили и что-то обсуждали. Именно друзья сильно повлияли на убеждения Джека.

«Впитывай в себя атмосферу того места, где доведется побывать, — советовал Гамильтон Дженкин. — Прекрасное и величественное можно разглядеть даже в убожестве и нищете промышленного городка. Умей видеть ценное в каждом предмете». Джек принял это. Спустя несколько лет он превратит старый платяной шкаф в нечто таинственное и волшебное. Он подружился с А. С. Харводом и Оуэном Барфилдом, о котором потом вспоминал: «Барфилд ни о чем не может говорить без приукрашивания».

Но увлечение мистикой заканчивалось подчас трагически.

«Успокойся, все будет хорошо!» — восклицал Джек, пытаясь сдержать своего друга, у которого гостил пару недель.

«Черт! Дьявол!» — не слушая, кричал тот. Увлечшись оккультизмом, он лишился рассудка. Это потрясло Джека. Случившееся стало для него предостережением, и он охладил к беседам на оккультные темы.

Денег катастрофически не хватало. Работая за троих, включая миссис Мур и Морим, он просто нищенствовал. Университетской стипендии и переводов из дома было явно недостаточно. У Джека начались приступы головной боли, возникли проблемы с пищеварением. Он перестал спать по ночам. Им овладело отчаяние. Льюис сомневался, сможет ли когда-нибудь писать серьезные труды.

Тем не менее в 1922 году Джек блестяще сдал выпускные экзамены. Он был первым по классической литературе и философии. Это, однако, не обеспечивало должности при университете, которой он неоднократно добивался. Джеку предложили остаться в Оксфорде на четвертый год для изучения английской литературы. В этом случае шансы на получение работы становились выше. Университетскую стипендию можно было продлить еще на год, и ему дали время на размышление. Джек написал отцу: «Если вы считаете, что мое обучение затянулось и стало обременительным, честно напишите об этом». К счастью для Джека, Альберт Льюис решил оказать сыну необходимую материальную поддержку. Джек был бесконечно ему благодарен. В тот год он погрузился в изучение английской литературы и языка. Он писал домой восторженные письма. Джек даже начал изучать англосаксонский язык и нашел это увлекательным занятием.

Одновременно он сблизился с Невиллом Кохиллом, выходцем из ирландского графства Корк. Невилл был высоким красивым мужчиной острого ума и мягкого характера. Он изучал английскую литературу вместе с Джеком. Друзья много бродили по Кумнорским холмам, споря о прочитанных книгах.

Джек был удивлен, узнав, что Невилл убежденный христианин. Вскоре он обнаружил, что самые любимые его писатели тоже верили в Бога.

Начало открытиям положил Джордж Макдональд. Затем Льюиса захватила поэзия великого Джона Донна, настоятеля собора Святого Павла в Лондоне в XVII веке. Его глубоко тронули стихи сельского священника Джорджа Герберта, умершего в 1632 году. Писатели-атеисты не увлекали Джека, и он даже говорил, что «христиане ошибаются, но все остальные скучны!». Оставаясь атеистом, Джек считал христианство красивым мифом.

В конце года он стал первым по английской литературе. Это было большим достижением. Теперь Джек имел, две первых премии, и он вполне мог претендовать на место в Оксфорде.

Вопрос разрешился в мае 1924 года. Тьютор по философии Университетского колледжа уезжал на год в Америку, и Джеку предложили замещать его это время. Тьюторами назывались университетские преподаватели, обучающие отдельных студентов или небольшие группы. Кроме того, Джека просили прочитать несколько лекций. Он с готовностью согласился.

Льюис прочитал четырнадцать лекций и получил дополнительный заработок, проверяя экзаменационные сочинения по английской литературе для Оксфордской и Кембриджской экзаменационных комиссий. Похоже, фортуна наконец улыбнулась ему. Джек подал прошение на место преподавателя английской литературы в Магдален-колледже, считая это совершенно безнадежным мероприятием. Но уже 20 мая Альберт Льюис получил радостное известие.

«Избран членом ученого совета в Магдален. Джек», — говорилось в телеграмме. Отец сделал в дневнике такую запись: «Я вошел в комнату и заплакал от радости». Потом он уединился в комнате сына и опустился на колени, благодаря Бога от всего сердца. Молитвы Альберта Льюиса о будущем

Джека были услышаны.

Итак, Джек стал членом ученого совета, спросите вы? Это уже не рядовой университетский преподаватель. Он входил в правление колледжа, где преподавал. Джек должен был читать лекции по английской литературе и философии. Период нищеты закончился. Хороший друг Джека, Джордж Сейер, отмечал, что бедность наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Джек тратил на себя минимально и не мог потратить сверх необходимого на что-либо и на кого-либо. Он был свободен от того снобизма, которым наделяет людей богатство, и всегда сострадал бедным. Впоследствии он передавал нуждающимся тысячи фунтов.

И все же Джек не подозревал, что вскоре обретет величайшее из богатств, которые только есть на свете: духовное богатство личного познания Господа Иисуса Христа. Это должно было изменить не только его поступки, но и всю дальнейшую судьбу.

Свет над миром

«В летний семестр 1929 года я сдался, признал, что Бог есть Бог, склонил колени и произнес молитву: должно быть, в тот вечер я был самым угрюмым и мрачным новообращенным в Англии».

Из рассказа К. С. Льюиса

В августе 1929 года Джек снова оказался в Белфасте, ухаживая за больным отцом. Все десять дней он провел в «Маленьком лужке», помогая Альберту Льюису бриться и умываться, читая ему книги и всячески подбадривая забавными историями из жизни Оксфорда. У Джека было удивительное чувство юмора.

«Ты слышал историю о профессоре Лидского университета?» — спросил он однажды отца.

«А что с ним случилось?»

«Ехал он как-то в поезде. Напротив сидела дама средних лет. Всю дорогу она беспокойно ерзала на своем месте, сгорая от любопытства. Ей страшно хотелось узнать, что находится в большой картонной коробке с проделанными отверстиями, которую профессор держал на коленях. Наконец дама не выдержала и спросила:

«Простите за любопытство, но что вы там везете, сэр?»

«Мангуста, мадам», — отвечал тот.

Дама была заинтригована:

«А что вы собираетесь с ним делать?»

«Подарю другу, который, к несчастью, страдает белой горячкой».

Его собеседница заметно встревожилась:

«Но чем может помочь мангуст в данной ситуации?»

«Как же, мадам, ведь страдающие от белой горячки постоянно находятся среди змей!»

Его спутница взвизгнула.

«А мангусты, как известно, едят змей», — невозмутимо продолжал профессор.

«Уж не хотите ли вы сказать, что змеи существуют реально?» — воскликнула дама.

«Разумеется, нет. Змеи столь же нереальные, как и мой мангуст!»

Отец и сын долго смеялись над этой историей!

В свободное время Джек бродил по залам и комнатам «Маленького лужка», раскрывая окна, которые отец всегда держал закрытыми. Обедая в пустой столовой фруктами и печеньем, он вспоминал давние дни, когда вся семья собиралась в полдень за богатым столом.

«Пошли, Джек, тебе нужно немного пройтись», — уговаривал его Артур Гривз, ежедневно наведывавшийся в «Лужок».

«Я отлучусь на часок», — и Джек покидал дом, навевавший воспоминания о радостях и горестях детства. Когда отец засыпал, он выходил в сад, наслаждаясь прохладной свежестью и слушая кваканье лягушек где-то вдалеке. Как здесь было хорошо после духоты, которая мучила его в комнате больного!

Альберту становилось хуже, и доктор Джозеф Льюис, двоюродный брат Джека, посоветовал сделать операцию. Больного поместили в госпиталь мисс Бредшоу. Джек навещал его каждый день. Врачи обнаружили у Альберта рак.

«Возможно, он проживет еще несколько лет», — сказали Джеку.

Как-то раз, после очередной дозы обезболивающего лекарства, Альберт спросил сына: «Ты что-нибудь помнишь о смерти мамы?»

«Немного, — отвечал Джек. — Помню, как за несколько дней перед смертью она дала нам с Уорреном по Библии. Помню, как я звал ее ночью, когда у меня разболелся зуб, но она не пришла. Потом мне сказали, что у мамы рак. И это, пожалуй, все.»

И отец рассказал Джеку, как он держал жену за руку, не отходя от нее. Неподалеку от их дома группа оранжистов несколько часов была в барабаны. Больная сказала: «Как жаль, что они так долго не могут выучить нужный ритм».

«Когда будешь выходить замуж, — говорила она своей сиделке, — смотри, чтобы этот человек любил тебя и Бога.»

«Что мы сделали для Него?» — спрашивала она Альберта, беседуя с ним на духовные темы незадолго до смерти. Флора Льюис не знала, что ее маленький сын будет служить Богу в наступающем веке.

В середине сентября 1929 года Джек был вынужден вернуться в Оксфорд. Начинался осенний семестр. Доктор заверил его, что состояние отца может оставаться без изменений несколько недель. В субботу 22 сентября Джек покинул Белфаст. Печальные мысли сопровождали его на пути через Белфастский залив. Их отношения с отцом далеко не всегда были идиллическими. Порой он

обманывал Альберта, дурно о нем отзывался. Теперь его мучило раскаяние.

За последние недели отец и сын сильно сблизились. Это было Божьим даром, так как другая возможность наладить отношения больше не представилась. Во вторник Джек получил телеграмму с сообщением, что отец находится при смерти. Через час молодой преподаватель выехал из Оксфорда и сел на паром. Он прибыл в госпиталь мисс Бредшоу на следующее утро, но было уже поздно. Альберт Льюис скончался днем раньше.

27 сентября 1929 года в штаб английских войск в Северном Китае пришла телеграмма на имя Уоррена Льюиса. В ней говорилось: «Сожалею, отец умер, без боли, 25 сентября. Джек». В тот же день Уоррен отправил брату письмо.

Они много переписывались, вспоминая детство, мечтая о будущем. Уоррен смог вернуться в Англию только в апреле 1930 года. Братья отправились в Белфаст. Побывав на кладбище, они поехали в «Маленький лужок», где их встретила экономка Мери Куллен, много лет служившая в имении. Подкрепившись, Уоррен и Джек приступили к обсуждению хозяйственных вопросов. Часть вещей братья решили отправить в Оксфорд

«Уорни, что, если нам вынести чемодан с детскими игрушками?» — спросил Джек.

«Мы уже обо всем договорились в письме, - сказал Уоррен. — Как ты думаешь от них избавиться?»

«Давай зароем их в огороде». — предложил Джек.

Это было странное зрелище: двое взрослых мужчин ташили к заросшему огороду чемодан с игрушками их детства. Затем они выкопали яму.

«Может, раскроем его на прощание?» — спросил Джек, вспомнив о чучелах и фарфоровых фигурках, населявших придуманный ими мир. Но чемодан так и не раскрыли. «Что прошло, то прошло».

«Как же из этих игрушек получился целый мир?» — размышляли они. Закопанные реликвии навсегда остались в памяти Джека. Воображение, переполнявшее его детскую душу, будет отныне управлять его пером, волнуя юных читателей.

Вернувшись из Китая, Уоррен серьезно задумался о христианстве.

«Пойдем в церковь вместе». — предложил он Джеку.

«Хорошо. — согласился тот. — Но, должен признаться, для меня это пустая трата времени. Суета, колокола, народ... Лучше бы люди молились поодиночке или собирались по двое-трое, размышляя о духовных предметах. Откровенно говоря, Уорни, религиозные гимны мне тоже не по душе».

Джек не был христианином. Он только начинал осознавать, что во Вселенной присутствует Бог или Дух, и не считал возможным личное общение с Ним.

В этот период Джек держался в стороне от группы преподавателей, управлявших делами университета. Согласно контракту, он был избран членом ученого совета Магдален- колледжа на пять лет. В действительности Джек сохранял этот пост в течение двадцати девяти лет. Чувствуя себя

одиноким, он решил устраивать встречи с близкими друзьями для обсуждения их литературных трудов. Некоторые из его друзей обладали незаурядным талантом. Джек хотел создать атмосферу, в которой можно было бы непринужденно беседовать в обществе единомышленников.

«Как будут называться эти встречи?» — спросили у него.

«Инклинги!» — ответил Джек. Название придумал Д. Р. Толкиен, будущий известный писатель. Оно означало шуточный каламбур: «Инклинги» — некие искатели истины, барахтающиеся в чернилах.

«Как мы будем собираться?»

«У меня по четвергам, — был ответ. — Встречи будут неформальными, без строгих правил, председателей и ограничения дебатов».

«А как стать членом общества?» — спросил кто-то.

«Нужно получить от меня приглашение!» — заявил Джек.

«Рад оказаться в числе Приглашенных», — поблагодарил профессор Д. Р. Толкиен. Так было положено начало дружбе двух известных литераторов XX века. Позднее Толкиен прочитает на этих собраниях первые главы своих книг «Властелин колец», «Сильмариллион» и «Хоббит». Он был великолепным мастером слова.

Среди членов литературного кружка были профессор Коухилл, Дэвид Сесил, Рой Кембелл. Все они были яркими личностями, интеллектуалами, которые принимали активное участие в заседаниях «Инклингов». По вторникам их встречи проходили в трактире «Орел и дитя» за час до утреннего чая.

«Добрый день, мистер Льюис, — приветствовал его трактирщик. — Как вижу, ваша компания снова в сборе!»

«Боюсь, что так, мистер Блейгроув. От нас нелегко избавиться!»

«Вы совсем не похожи на тех молодых людей, которым я прислуживал раньше». Рослый трактирщик служил одно время извозчиком в Оксфорде.

«Что вы хотите сказать?» — спросил Джек.

«Я, бывало, возил в своем кэбе таких важных молодчиков, готовых подарить мне свой костюм, если он не сидел на них как следует! В те времена они нанимали кэб, чтобы я отвез их куда-нибудь, где можно здорово подраться».

Посетители «Орла и дитяти» не устраивали драк. Бои были исключительно интеллектуальными. Джек любил своих друзей и отдыхал в их обществе после чтения лекций, консультаций и научной работы. Но не все их беседы касались литературы. Ученых волновали и духовные вопросы.

19 сентября 1929 года в зале Магдален-колледжа был дан обед. Эти обеды всегда становились событием для студентов и преподавателей. Один конец зала украшало панно с резьбой XVII века, представлявшей сцены из жизни Марии Магдалины. Над панно размещались хоры. На другом конце зала находилась невысокая платформа, где возвышался величественный дубовый стол.

Члены ученого совета, управляющие делами колледжа, собирались в профессорской комнате, пока в зале размещались студенты и другие сотрудники колледжа. Последние стоя приветствовали процессию членов совета, шествующую к платформе в черных мантиях. Студенты носили короткие мантии, похожие на жакеты без пуговиц и рукавов. Вице–президент или старший член ученого совета произносил благодарственную молитву на латыни, и обед начинался. В зал вносили вино, орехи и фрукты, которые полагалось есть специальными серебряными ножами и вилками.

«Как поживаете, лорд Адриан?» — обратился К. С. Льюис к известному лауреату Нобелевской премии, исследователю нервных клеток.

«Превосходно, мистер Льюис, во многом благодаря этим кушаньям!»

«А вы, профессор Тейлор?»

«Благодарю вас, мистер Льюис, хорошо. Как продвигается ваш фантастический роман? Как вы его озаглавили?»

«”За пределы безмолвной планеты»... Приветствую, лорд Дэвид», — и Джек потянулся за новым кусочком.

В тот день после обеда Джек со своими друзьями Толкиеном и Дайсоном прогуливались по Адлижонской аллее Оксфорда, беседуя о смерти Христа и истинности Евангелия.

«Смерть Христа может изменить всех верующих в Него», — говорил Толкиен.

«Но какое это имеет отношение к моей жизни?» — спросил Джек.

«Чтобы это понять, нужно предать себя Господу».

Разговор затянулся до трех часов ночи. «Ну, мне пора к жене», — сказал Толкиен. Дайсон остался беседовать с Льюисом.

«Христианство поддерживает верующего», — убеждал Дайсон.

«Это правда?»

«Правда. Ты обретаешь прощение грехов и мир с Богом».

«А как быть с моими пороками?» — спросил Джек.

«Христос поможет избавиться от дурных привычек и укрепит в борьбе с искушениями. Ты станешь другим человеком».

К. С. Льюис приближался к самому важному переживанию своей жизни. В тот день он ехал на втором этаже автобуса, когда вдруг почувствовал, будто пытается заслониться от чего-то. Он увидел, что стоит перед некой дверью. Можно было остаться на месте или же открыть и войти. Джек вспоминал потом, что ощущал себя заледеневшим снеговиком, который начал оттаивать.

«Сначала со спины потекли капельки воды, потом побежали струйки», — рассказывал он. Джек знал, что Бог приблизился к нему, ожидая ответа.

«Каждый вечер, оставаясь один в комнате, я ощущал невидимое присутствие Того, с Кем так упорно не желал встречаться... И в летний семестр 1929 года я сдался, признал, что Бог есть Бог, склонил колени и произнес молитву: должно быть, в тот вечер я был самым угрюмым и мрачным

новообращенным в Англии. Тогда я еще не понимал того, что теперь является столь очевидным, — божественного смирения, с которым Он принимает кающегося человека при любых обстоятельствах».

Джек уже не был атеистом, но еще не стал христианином. Он просто верил в Бога и ходил в церковь. Разговор с Толкиеном и Дайсоном сильно повлиял на него. Двенадцать дней спустя они с Уорни решили посетить уипсневский зоосад.

«Поедем на моем мотоцикле, — предложил Уорни, — ты можешь сесть в коляску».

Вообразите известного оксфордского ученого, путешествующего солнечным утром в Лондон в коляске мотоцикла. Однако забавное путешествие оказалось крайне важным для Льюиса — он стал христианином.

Иисус однажды сказал ученому мужу Никодиму: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Никодим спросил: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» Иисус на это ответил: «Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:3–4,7–8).

То, что пережил тогда Джек, свидетельствует: слова Иисуса относятся к каждому, кто хочет стать христианином. Позднее, описывая те события, Джек вспоминал: «Выехав из Оксфорда, я еще не верил, что Иисус Христос — Сын Божий. Когда же мы были у зоосада, я в этом не сомневался».

«Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден», — пишет апостол Иоанн (1 Ин. 5:1). Так произошло с К. С. Льюисом.

Дьявол не дремлет

*«Выехав из Оксфорда, я еще не верил, что Иисус Христос — Сын Божий.
Когда же мы были у зоосада, я в этом уже не сомневался».*

Из воспоминаний К. С. Льюиса

В июле 1930 года в трех милях от Оксфорда Уорни и Джек обнаружили дом с красивым участком.

«Просто замечательно!» — воскликнул Уорни, оглядывая усадьбу.

«Здесь и лес рядом!» — восхищенно отозвался Джек. Половину прилегающей к дому земли занимал лес, растущий на склонах Шотоуверского холма.

«Взгляни на сад!» — восклицал Уорни.

«А теннисный корт!» — вторил ему Джек.

В центральной части усадьбы находился большой пруд.

«Отсюда добывали глину для кирпичей, — объяснил торговый агент. — А там, дальше, были печи для обжига. Сейчас они разрушены, заросли плющом и травой».

«Мне там очень понравилось», — говорил Джек, когда они возвращались в Оксфорд по разбитой дороге Килн–лейн, ведущей к дому.

«Дом расположен за городом и вместе с тем недалеко от твоей работы: Да и от церкви тоже», — отвечал Уорни. Деревушка Хедингтон Кворри, где они посещали богослужения, лежала всего в полумиле.

Усадьба «Килнс» (от слова «печи») с восемью акрами земли была приобретена за 3 300 фунтов. Хотя Джек внес 1 500 фунтов, дом был куплен на имя миссис Мур и по закону принадлежал ей. По составленному завещанию, после ее смерти усадьба переходила Джеку и Уорни. К. С. Льюис провел в «Килнсах» всю оставшуюся жизнь. «Вы в самом деле купаетесь в этом грязном пруду по утрам?» — удивленно спрашивали Джека.

«В самом деле, — отвечал хозяин. — Он выглядит грязным, но, поверьте, я выхожу из него вполне чистым».

«Как же вы спускаетесь в водоем?»

«С маленькой лодочки, которая стоит под деревьями. Я выталкиваю ее на чистую воду, неизменно распугивая куропаток».

После обращения к Христу у Джека начался период творческого подъема. Из-под его пера одна за другой стали появляться новые книги. Первая часть космической трилогии «За пределы безмолвной планеты» вышла в 1938 году. «Устрашающая и прекрасная» — так отозвался о ней один из критиков. «Великолепно задуманная, впечатляющая», — писала лондонская «Таймс», указывая, что данная книга приводит к «осознанию своей греховности перед Богом и всеми живущими».

Затем были изданы «Трактат о страдании», «Просто христианство», «Письма Баламута», «Переландра» и «Мерзейшая мощь», заключительная часть космической трилогии. За ними последовали «Расторжение брака», «Мечты», «Чудо», «Пока мы лиц не обрели», «Размышления о псалмах», «Трактат о любви» и «Хроники Нарнии».

Статьи, выступления по радио, доклады, книги... Какой должен быть распорядок дня у человека, живущего в таком режиме? Как он планировал свой день? Рассмотрим обычный день учебного семестра, когда Льюис жил в Магдален–колледже.

5.30 — Молитва и чтение Библии. Чашечка чая.

15 — Снова чаепитие, умывание, бритье. Небольшая прогулка, молитва, прославление Бога и созерцание красоты окружающей природы.

0 — Молебен настоятеля в часовне колледжа. Завтрак в столовой.

45 — Работа в Оксфорде. Чтение писем и записок, ответы на них.

0 — Встречи со студентами каждый час, кроме понедельников и тех случаев, когда Льюис читал лекции в здании на Хай- стрит.

10 — Отъезд в «Килнс» с Морин Мур или Фредом Паксфордом (садовником из усадьбы) на ланч.

13.00–13.45 — Работав саду «Килнс» или короткая прогулка с другом.

145 — Возвращение в Магдален–колледж. Лекции или прием студентов.

115 — Обед в Магдален-колледже.

19.15–23.00 — По вторникам с 20.30 студенты собирались для чтения великой англосаксонской саги о Беовульфе.

По вечерам проходили собрания литературного кружка или званые обеды в других колледжах. Затем следовали ответные визиты, и так далее. В одиннадцать часов Льюис валился от усталости в своей маленькой комнатке при колледже. Ему был так необходим отдых! По понедельникам он вместо встреч со студентами готовился к лекциям, проверял работы. В субботу занятия заканчивались в час дня, и он часто отправлялся на прогулку за город.

Год спустя после своего обращения, в декабре 1931 года Джек стал полноправным членом англиканской церкви. На Рождество он принял причастие в деревенской церкви Хедингтон Кворри. Это было первое причастие после конфирмации, которую он прошел в далеком детстве. Тогда он не верил в Бога и теперь стыдился этого.

О следующих годах Джек писал своему другу Оуэну Барфилду, что они пронеслись «как одно мгновение». Но тьнь новой войны снова надвигалась на мирную жизнь.

«Евреи не внесли никакого вклада в мировую культуру. — заявлял Адольф Гитлер. — и, поражая их, я лишь выполняю волю Господа». Он стал канцлером Германии в январе 1933 года, и уже к концу года запылали костры из книг, появились дискриминационные законы против евреев и инакомыслящих. В ноябре Джек писал своему другу Артуру Гривзу: «Этот богохульствующий тиран в одной фразе выразил свою абсурдность и показал миру, что столь же жалок в глупости, сколь отвратителен в жестокости».

Джек помнил ужасы прошлой войны и опасался мобилизации и новых бедствий, надвигающихся из-за границы.

Война с Германией началась в сентябре 1939 года. Каждый вечер с наступлением темноты все дома в Оксфорде, включая «Килнс», затемнялись, чтобы скрыть город от немецких бомбардировщиков.

«Давайте пустим в дом беженцев», — предложил Джек миссис Мур. Множество детей, увезенных подальше от бомбежек из Лондона и других городов, крайне нуждалось в крыше над головой.

«Хорошо. — согласилась миссис Мур. — Но ты уверен, что дети не помешают твоей работе, Джек? Ты же знаешь, дети шумят, а тебе необходим покой и тишина».

«Ничуть, — заявил он. — Мы можем спасти несколько детей, и кроме того, им будет у нас весело».

И детей привезли. Джека глубоко тронуло, как восхищались школьницы своим новым приютом в «Килнс».

«Мистер Льюис, у вас даже лебеди плавают в пруду», — удивилась одна из девочек.

«Их подарил мне ректор Уорсестерского колледжа», — с улыбкой ответил он.

«Не думаю, что мне когда-нибудь подарят лебедей», — вздохнула малышка.

«Они держатся от меня подальше, когда утром я плаваю в пруду».

«Вы плаваете в этом пруду?» — изумились дети.

«Честное слово, плаваю».

Школьницы полюбили усадьбу «Килнс», сад и теннисный корт. Они с удовольствием поглощали сливы, яблоки и груши, заботливо выращенные Паксфордом.

Дети постоянно играли в лесу, где Джек и Уорни высадили сорок три саженца новых деревьев.

Узнав, чем занимается К. С. Льюис, они засыпали его вопросами во время обеда или прогулок по городу.

«Сколько лет колледжу, в котором вы работаете?»

«Он был основан Уильямом Вейфлитом в 1458 году на западном берегу реки Червелл».

«Что такое Майский хор?»

«О, это хор Магдален–колледжа (или Модлин), который каждый год первого мая поднимается на колокольню в пять часов утра. На восходе солнца хористы поют латинский гимн Святой Троице. Эта традиция появилась в 1504 году, когда закончилось строительство колокольни».

«Когда женщинам разрешили учиться в Оксфорде?»

«Они не могли быть полноправными членами колледжа до 1920 года!»

«Какой позор!» — возмущались девочки.

«Кто называется выпускником?»

«Это учащийся, который еще не закончил учебу и не получил ученую степень».

«Что такое степень, мистер Льюис?»

«Это награда, которую университет или колледж присуждает студенту, успешно завершившему учебу».

«Говорят, что вы член ученого совета Оксфорда, мистер Льюис. Что это означает?»

«Членов совета еще называют донами, то есть преподавателями. Они избираются из выпускников, которые занимаются научными исследованиями в своей области и помогают обучать студентов».

«Вы также являетесь тьютором, мистер Льюис, а это что такое?»

«Тьютор руководит научными занятиями. Он наблюдает за работой студентов и руководит ими. Раз в неделю оксфордский студент встречается со своим тьютором, чтобы обсудить прочитанные книги, почитать вслух сочинения, написанные по заданию тьютора, и решить отдельные вопросы».

«Вам нравится ваша работа, мистер Льюис?»

«Я просто влюблен в нее!»

Для духовного роста К. С. Льюиса опыт общения с юными лондонцами трудно переоценить. Джек всегда избегал детей и ничего не понимал в их жизни. Но маленькие беженцы раскрыли перед ним новый мир. Господь устроил так, что обретенный опыт позволил писателю начать «Хроники Нарнии». Дети разбудили его воображение.

«Как ужасна эта война!» — говорили Джеку.

«Действительно, ужасна. Но надо крепиться! Из-за нехватки горючего на улицах меньше машин, а прогулка без них гораздо приятнее! Затемнение же домов позволяет мне видеть Оксфорд в лунном свете», — отвечал он.

На самом деле Льюис искал случая помочь своей родине.

«Могу ли я чем-нибудь быть полезен? — спросил Джек на призывном пункте. — Я готов обучать курсантов».

Но вместо этого ему предложили работу в Министерстве информации. «Мне не хотелось бы связываться с этим. Придется писать ложные статьи в газетах, чтобы дурачить немцев. Лучше служить в ополчении».

И он записался в ополченцы. Людям, знавшим Льюиса, забавно было наблюдать, как известный ученый и писатель шагает по Оксфорду в час ночи, чтобы заступить на дежурство в штабе местного отряда обороны.

«Добрый вечер, мистер Льюис», приветствовали его юноши, дежурившие вместе с ним. Они передавали Джеку винтовку.

Отряды местной обороны состояли из ополченцев, дежуривших по очереди. Они должны были отражать нападение немцев с воздуха.

На рассвете Джек отправлялся домой и в пять утра ложился отдохнуть.

В этот период, когда в доме было полно детей, когда лунными ночами он вышагивал по улицам с винтовкой, рыл в саду укрытие от воздушных налетов, пилил дрова для очага, его мысли были заняты творчеством. Джек задумал написать книгу. Он сочинил ее в осенние и зимние военные месяцы и озаглавил «Страдание». Книга стала одним из самых читаемых его произведений. Это свидетельствует об исцеляющей силе христианства, способной помочь всем страждущим. Многие читатели нашли в книге утешение.

«Уорни, сегодня я слушал преподобного Блейбена. — сказал однажды Джек, вернувшись из церкви. — Во время службы я вдруг понял, о чем будет моя новая книга!»

«Признавайся, как ты ее назовешь?»

«От беса к бесу».

«Боже! Что за мысль пришла тебе в голову! И как это будет выглядеть?» «Знаешь, это будут письма-советы старшего беса младшему, как ему лучше убедить молодого человека, что христианское учение не может быть истинным!»

«Это будет потрясающая книга», — сказал Уорни.

Произведение, о котором говорил Джек, вышло под названием «Письма Баламута». Сейчас книга огромными тиражами расходуется по всему миру. В ней оригинально представлено различие между добром и злом и показано, как с Божьей помощью выбрать правильный путь.

А тем временем дьявол не дремал, кружа по Европе, уничтожая миллионы людей. Война не кончалась, и Бог использовал К. С. Льюиса, чтобы обращать народ к вере и библейским истинам. Но Джеку еще предстояла другая работа, о которой он не подозревал.

Разговор с миллионами

«Не удерживайте ничего.

Все, что вы оставите при себе, никогда не станет по-настоящему вашим.»

К. С. Льюис, «Просто христианство»

«Добро и зло: ключ к пониманию Вселенной», — объявили по радио «Таймс».

Каждую среду, начиная с августа 1941 года, по Би-Би-Си транслировалась пятнадцатиминутная передача из Лондона. В ней звучал голос К. С. Льюиса. Директор отдела религиозных передач на Би-Би-Си доктор Джеймс Уелш внимательно отнесся к книге Джека «Страдание». Он почувствовал, что из Льюиса может получиться талантливый ведущий. Директор не ошибся.

«Послушайте-ка эту передачу! — говорил хозяин бара, погромче включая радио в зале, набитом солдатами. — Это стоит послушать». И люди сидели молча до конца программы.

Низкий голос Джека звучал во всех уголках Великобритании и рассказывал с христианских позиций о вере и надежде, грехе и прощении. Рассказывал ярко, логично и убедительно. Шла война, и многие люди теряли надежду. Джек помогал вновь обрести ее. Сама манера речи заставляла вслушиваться в его слова. В то нелегкое время он обращался к народу со словами:

«Отдайте себя, и вы обретете свое подлинное «я». Пожертвуйте жизнью — и вы спасете ее. Отдайте каждую частицу своего существа, и вы найдете жизнь вечную... Ищите Христа, и вы найдете Его, и «все остальное приложится вам»».

В передаче «Ошеломляющая альтернатива» Клайв Льюис бросал вызов всем нехристианам. Он спрашивал: был ли Иисус просто хорошим человеком, учителем нравственности, пусть даже великим учителем? Или, как Он Сам утверждал, Он являлся Сыном Божьим? Льюис считал, что есть только три варианта ответа на вопрос, кто же Христос на самом деле. Его следует признать Сыном Божьим, сумасшедшим или порождением ада. Каждый должен сделать свой выбор. Этот выбор совершается и в наши дни.

19 июля 1943 года Джека пригласили на передачу «Наковальня». Ведущий задал ему вопрос: «Верите ли вы, что Библия является отчасти вымыслом, подобно другим легендам?» Джек отвечал, что он только литературный критик и историк, а не богослов. Но он отметил, что «те, кто считает Евангелие собранием легенд, показывают тем самым свою некомпетентность в данном вопросе».

Джек прочитал множество легенд и вполне мог считаться экспертом в этой области. Он отчетливо видел, что Евангелие не имеет с ними ничего общего. Джек утверждал, что «в Евангелии содержится много такого, что не передается в легендах».

«Война, сама жизнь, все казалось бессмысленным. Многим был нужен ключ к пониманию Вселенной. Льюис имел этот ключ», — писал главнокомандующий авиацией сэр Дональд Хардман. Передачи транслировались из Лондона с 1941 по 1943 годы, несмотря на постоянные налеты германской авиации.

На Джека обрушилась лавина писем от слушателей. «Мне одному не справиться, Уорни. Может быть, ты поможешь?» — попросил он брата. «О чем разговор! Скажи только, что я должен делать». — «Если письмо с серьезными вопросами, я буду отвечать сам. А ты сможешь печатать на машинке ответы на более–менее стандартные послания».

«Серьезных» писем было несметное количество, но Джек самоотверженно отвечал на все. Вместе с его популярностью росло и число людей, которые спорили с ним, спрашивали совета, выражали одобрение и предлагали дружбу. Ни одно письмо не осталось без ответа. Джек не бросал эту работу и тогда, когда рука болела от ревматизма. Одна американка сохранила его ответы, и они вышли отдельной книгой под заглавием «Письма к американской леди». Все адресаты Льюиса, включая детей, дорожили его посланиями.

Беседы на радио позднее были опубликованы в сборнике «Просто христианство». Несмотря на огромную поддержку, у Джека все же нашлись критики. Известный ведущий Элистер Кук считал его отношение к браку и половым отношениям «пуританским», а яркие доказательства — «чрезмерным упрощением». «Набожный торговец парадоксами и жонглер словами» — так отзывался о Льюисе Виктор Яррош в «Америкам Фримен». Но Джека не пугала критика. Он продолжал служить Богу.

«Не могли бы вы провести встречи с летчиками из Королевской авиации?» — обратился к Джеку преподобный Морис Эдвардс, главный капеллан британских ВВС зимой 1941 года. «Мне не доводилось еще выступать перед военными, но я попробую», — согласился он.

Все выходные дни летних каникул Джек провел в лагерях Королевских ВВС. Он побывал в горных районах Шотландии и в центральном Уэльсе, беседуя с летчиками о христианской вере.

Его слова ободряли и воодушевляли. Многие люди, никогда не думавшие о церкви, словно впервые услышали слова о Господе и Спасителе Иисусе Христе. Особенно беспокоился Льюис о молодых пилотах, отправлявшихся на боевые задания. Каждую ночь они смотрели в лицо смерти, и Джек хотел примирить их души с Господам. Это было делом нелегким, отнимающим все силы, но он не заботился о себе.

«Всем атеистам, агностикам и всем разуверившимся в религии...» — гласило объявление, сообщаемое о встрече в студенческой столовой Сомервилльского колледжа Оксфорда. Что это была за встреча?

«Здесь совершенно не с кем обсудить вопросы христианской веры», — пожаловался как-то один из студентов колледжа.

«Давайте что-нибудь придумаем. — предложила консультант по духовным вопросам Стелла Олдвинкл. — Я повешу объявление о собрании».

И оно состоялось. Что там говорили студенты!

«Церковь далека от нас. Она не отвечает на наши вопросы!» — возмущался один.

«Потому что не знает ответов», скептически замечал другой.

«Не всегда ясно, что происходит на богослужении», — жаловался третий.

«Религиозные общества ничуть не лучше, — констатировал кто-то. — Нет открытого обсуждения духовных проблем. Слово дают только христианам».

«Нужно создать общество, где могли бы высказывать свое мнение как верующие, так и неверующие».

«Решено, — заявила Стелла Олдвинкл. — Мы организуем такое общество и назовем его» Сократовский клуб Оксфорда».

Через короткое время Стелла уже знала, к кому обратиться.

«Давно пора открыть такой клуб», — сказал Льюис.

«Не согласитесь ли вы стать его председателем?» — спросила девушка.

«Почту за честь».

Собрания Сократовского клуба начали проходить по понедельникам с января 1942 года. Вскоре клуб стал вторым по величине обществом в университете. Встречи начинались с доклада, который читал христианин или неверующий. Затем слово предоставлялось оппонентам.

«Предлагаю начать обсуждение», — говорил председатель. Аудитория ждала, когда в зале зазвучит его глухой голос с ирландским акцентом. Джек обрушивался на позиции неверующих со всей своей несокрушимой логикой и юмором. За период его председательства перед студентами выступили лучшие ораторы страны. Некоторые выпускники отмечали, что эти собрания стали самыми яркими моментами их студенческой жизни.

«С чем больше всего спорил мистер Льюис?» — спрашивали потом.

Больше всего он протестовал против того, чтобы мораль и понятия о добре и зле сводились к личным убеждениям и предрассудкам конкретного человека. Некоторые выступавшие утверждали, что моральные качества определяются воспитанием и материальным достатком. Льюис не мог с этим согласиться. Он спорил с теми, кто считал христианство просто моральным кодексом.

При всей своей загруженности (встречи со студентами, выступления по радио, чтение лекций и ответы на письма), Джек не оставлял своей заботой домашние дела в «Килнс» и миссис Мур. Ее здоровье заметно пошатнулось, и это отразилось на характере — и прежде непросто.

«Миссис Мур принадлежала к натурам, которые могут существовать только в атмосфере напряженности и хаоса. Каждый день в доме устраивались сцены и выяснение отношений со слугами», — вспоминал Уоррен. Джек нес и это бремя на своих плечах. Две горничные, служившие в «Килнс», постоянно ссорились между собой. Потом они начинали скандалить с миссис Мур.

«Молитесь за меня, — просил Джек близкого друга, — и за бедную миссис Мур. Редко выдается минута, когда все три женщины пребывают в хорошем расположении духа». Джек молился Господу о своих печалях, и Господь даровал ему душевный покой.

Тем временем состояние здоровья миссис Мур ухудшалось, и она постоянно отрывала Джека от работы. Она страдала варикозным расширением вен и с трудом могла ходить.

«Он справляется с работой не хуже первоклассной горничной», — сказала как-то миссис Мур о К. С. Льюисе. Только этой «горничной» и удавалось поддерживать хрупкий мир в «Килнс».

Джек не оставлял своим вниманием эвакуированных детей. Он начал обучать грамоте умственно отсталого мальчика.

«Мне не нравится, что Уоррен так много пьет», — жаловалась миссис Мур.

«Мне тоже, — отвечал Джек. — Я очень этим обеспокоен. Но Уоррен страдает от алкоголизма. Это болезнь, и его надо жалеть».

Несчастный Уоррен с годами стал «запойным пьяницей». После периодов воздержания у него начинался страшный запой. Джек очень переживал за брата, особенно когда это случалось на армейских дежурствах и он не мог находиться рядом. Наконец Уоррен попал в больницу. Это тяжело сказалось на жизни Джека. Раньше брат оплачивал все счета, отвечал на письма, составлял расписание Джека.

Но среди всех неурядиц Льюис задумал новую книгу, которой суждено было стать самой известной из его произведений. Она предназначалась детям, волнующая, полная тайн, глубоко духовная и в то же время легко читаемая. Эта книга рассказывала про Льва, Колдунью и платяной шкаф.

Через платяной шкаф

«Лев ходил назад и вперед по новому миру и пел новую песню... и из-под лап его словно струились зеленые потоки. Это росла трава...»

К. С. Льюис, «Племянник чародея»

«Какой восхитительный старый шкаф! — сказала девочка. Можно мне залезть внутрь и посмотреть, есть ли за ним какая-нибудь дверь?»

«Разумеется, можно», — отвечал Джек. «Прекрасная мысль! — подумал он про себя. — Из этого может получиться интересная история. Я открою страну, которая находится за шкафом!»

Понимала ли девочка, как много значил ее вопрос? Их разговор состоялся в сентябре 1939 года, а знаменитая повесть «Лев, Колдунья и платяной шкаф» была закончена только к Рождеству 1948 года. Героями своей книги Льюис сделал четырех ребят, эвакуированных из Лондона. Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси попадают через платяной шкаф в Нарнию, страну, которую захватила Белая Колдунья. Эдмунд приходит к Колдунье и предает своих друзей. Чтобы искупить его вину, истинный правитель Нарнии, великий Лев Аслан идет на смерть. Затем Каменный Стол, на котором он был убит, раскалывается, и Аслан оживает.

Эта повесть стала первой из написанных Льюисом семи «Хроник Нарнии». С того времени Лев удивительным образом влияет на людей. Могущественный и грозный Лев впервые предстает перед нами в «Племяннике чародея», когда он пробуждает к жизни новую страну — Нарнию.

«Лев ходил взад и вперед по новому миру и пел новую песню... и из-под лап его словно струились зеленые потоки. Это росла трава... Сверкнула молния, не обжигая никого, и самый дивный голос, какой только слышали дети, произнес: «Нарния, Нарния, Нарния, встань! Потоки, обретите душу! Деревья, ходите! Звери, говорите! И все любите друг друга»».

Конечно же, Аслан — это образ Христа. Того, кому Джек отдал свое сердце. Как создавались эти удивительные повести? Льюис рассказывал об этом на лекции в Библиотечном обществе: «Я вижу картины... они как-то связаны между собой. Сижу, не двигаясь, и вот разрозненные образы соединяются, выстраиваются в ряд». Но так было не всегда. Зачастую от Джека требовалось немало усилий. Приходилось что-то додумывать, «изобретать».

Какие образы являлись ему в 1948 году, когда шла работа над книгой «Лев, Колдунья и платяной шкаф»? Еще в юности он часто представлял себе фавна, идущего с зонтиком по зимнему лесу. Воображение рисовало и других сказочных персонажей. Спустя годы Джек решил соединить их в одной истории.

«Работая над книгой, я часто видел сны про львов», — писал он десятилетней Энн Дженкинс, с которой мы познакомились в начале повествования. Лев стал героем всех «нарнийских» историй.

Джеку предстояло преодолеть еще одно серьезное препятствие. Это был его друг профессор Толкиен. Он лучше других понимал, как возникает на бумаге сказочный мир. Толкиен считал, что любой талантливый вымысел открывает читателям дорогу в другую реальность.

Зимой 1933 года Толкиен принес Джеку рукопись, которая начиналась словами: «Жил- был в норе под землей хоббит». Несколько лет подряд Толкиен сочинял истории про хоббитов для своих детей. Потом, поддавшись на уговоры друзей, он соединил в главы отдельные рассказы и набрал на машинке полученный вариант. Джек полюбил эти истории: «Бильбо Бэггинс страшно похож на тебя, Толкиен», — говорил он.

«Согласен, — отвечал тот. — Я, конечно, не так богат, как Бильбо, но мы с ним ровесники. Я тоже ношу удобную одежду и пестрый жилет, мне не нравятся замороженные продукты, и я бы не отказался собирать собственные грибы на собственном поле».

Теперь пришла очередь Джека представить на суд свою рукопись. И тут возникла загвоздка. Толкиену работа не понравилась.

«Я считаю, книга не удалась», — заявил он, закончив чтение.

«Не удалась? — думал Джек. — Значит, ее нельзя печатать!»

«Что тебе в ней не нравится?» — спросил он.

«Видишь ли, ты собрал в Нарнии самых разных персонажей. Я не представляю, как они уживутся в одной стране: фавны и Белая Колдунья, Дед Мороз и нимфы, бобры и лев. Просто винегрет какой-то».

«Но ведь все эти существа уживаются в голове», — умоляющим голосом сказал Джек.

«Только не в моей, и по меньшей мере не одновременно», — ответил великий Толкиен.

Джек не знал, как быть.

«Обязательно опубликуй эту книгу, — посоветовал его старый ученик Роджер Ленсли–Грин, автор «Леса, позабытого временем» и «Круглого стола короля Артура и его рыцарей». — Мне очень понравилось. Единственное в чем я не уверен, это в персонаже Деда Мороза».

«Это отличная история, мистер Льюис! Детям она сразу понравится», — убеждала его Мэри Клер, дочка лечащего врача Джека, Хемфри Хаварда.

Она оказалась права. Книга пришлась по душе ребятам из многих стран, подтверждая тем самым, что у всех нас один воображаемый мир. Джек открыл волшебный источник, доставивший большую радость читателям. Дети по несколько раз перечитывали историю о Льве и Белой Колдунье, очень скоро ставшей их любимой книгой.

«Не знаю, стоит ли ее выпускать, — сомневался издатель Джеффри Блес. — Эта история может не понравиться читателям, что отразится на продаже ваших последующих книг». К счастью, мистер Блес решил издавать серию сказок для детей, и «Лев, Колдунья и платяной шкаф» стали первой книгой в этой серии.

К концу 1948 года Джек закончил работу над «Принцем Каспианом». И каждый последующий год вплоть до 1956-го из-под его пера выходили новые истории о Нарнии. Вскоре Джеффри Блес обнаружил, что книги Джека пользуются огромным спросом. В простых образах перед детьми открывался мир вечности. Ведь именно так Иисус рассказывал людям Свои притчи. Друг К. С. Льюиса Дэвид Блекли вспоминал, что «у него не было мании величия, ибо, будучи действительно великим, он не нуждался в пьедестале». Дэвид говорил о христианском величии. Льюис не осознавал того, как Бог использует его талант. Он отдал свою жизнь Господу и снова обрел ее. В этом и заключалось его подлинное величие!

Дэвид жил по соседству с Джеком, и они часто возвращались из Оксфорда вместе. Заходя в дом, Джек нередко слышал: «Дружок, будь добр, сходи за картошкой!» Это было приветствие миссис Мур.

«Мне нужно ехать, Дэвид», — говорил он и отправлялся на велосипеде в ближайший магазин. Все покупки Джек вешал на руль. Сколько всего он перевозил на этом руле!

В «Килнс» Джек нередко ползал на коленях, отскребая с пола грязь. Ну и дела! Человек, который провел нас через платяной шкаф и показал, что есть иная жизнь, не имел покоя в собственном доме. Зато он стал подлинным рабом Божиим, приведя бесчисленное множество взрослых и детей к вере во Христа.

Карьера Джека тоже не была легкой. На очередных слушаниях ему отказали в вакансии профессора современной английской литературы в Мертоне. Некоторые члены совета посчитали, что Джек представил недостаточно своих научных работ. Его популярные книги о религии не привлекли внимание комиссии. Из-за постоянной загруженности и усталости летом 1949 года Джек оказался в Экландской клинике Оксфорда. Он рассчитывал поправить здоровье в отпуске в Северной Ирландии, но Уоррен снова запил. От поездки пришлось отказаться. В довершение всего миссис Мур стало совсем худо.

«Ее необходимо немедленно поместить в клинику», — сказал врач.

«Вы хотите сказать — прямо сейчас?» — спросил Джек.

«Именно так. Она уже в третий раз падает с кровати. Мы не можем больше рисковать».

«Я отменю свой отпуск». — решил Джек.

«Меня одолевают ужас, надежда, жалость и облегчение. Я в смятении. Молись за меня», - писал он Артуру Гривзу.

Под конец миссис Мур лишилась рассудка. Она выкрикивала богохульства и непристойности. Потом начинала рыдать.

«Прошу вас, молитесь за нее». — просил Джек своих друзей.

«Добрый день, мистер Льюис, вы навещаете миссис Мур каждый день!» — приветствовала его сиделка.

«Ей нужна моя поддержка», — отвечал он.

Миссис Мур скончалась от гриппа в январе 1951 года. И хотя она заслуживает справедливой критики за то, что в течение многих лет взваливала на Джека непомерный груз повседневных забот, все же из этой школы жизни он вынес и полезный опыт.

Джек использовал образ миссис Мур в первой «Нарнийской хронике». Миссис Бобрика в повести «Лев, Колдунья и платяной шкаф» передает ее характер в лучшие ее годы. На сковородке жарится форель, в горшке варится картошка, а на столе — кувшин свежих сливок для детей и «огромный кусок желтого сливочного масла». Таким был стол миссис Мур в «Килнс». По мнению миссис Бобрихи, нет ничего вкуснее «речной рыбы, если всего полчаса назад она была выловлена и только минуту назад сошла со сковороды». С этим может сравниться только «огромный, пышущий жаром рулет с повидлом», который недавно вынут из духовки. «Получив свою чашку, каждый может отодвинуть от стола табурет, чтобы прислониться спиной к стене и испустить глубокий вздох удовлетворения». Должно быть, Джек не часто выпускал такой вздох, сидя за столом с острой на язычок леди. Одно верно: тридцать четыре года назад он дал обещание Пэдди Муру, и все, знавшие его близко, могли подтвердить, какие усилия он прилагал, чтобы сдержать свое слово.

В 1951 году Льюис снова не получил должность профессора поэзии в Оксфорде. Похоже, его проповедь Евангелия раздражала старших членов совета. Джеку приходилось расплачиваться за свою веру, но он не унывал.

В том же 1951 году он провел отпуск в Ирландии, остановившись в гостинице «Кроуфордсберн» в графстве Даун. Перед глазами снова встали картины далекого детства.

«Как чудесно снова оказаться дома, Артур, — говорил он Гривзу. — Мне так нужен свежий воздух и эти пейзажи!»

На следующий год он опять приехал в родные края и путешествовал на автомобиле по Южной Ирландии.

Наверно, Джек выглядел забавно, сходя с поезда или читая лекции в большом зале Оксфорда в своем коричневом твидовом пиджаке, поношенных брюках и застиранной рубашке с едва заметным галстуком. Зато лицо дышало здоровьем, и в глазах прятались смешинки. Иногда он начинал лекции прямо с порога аудитории. Глухой низкий голос звучал у студентов за спиной, пока он шел к кафедре. В жизни этого знаменитого, одаренного и удивительно доброго человека не хватало только одного — женской любви. Но она пришла и принесла с собой счастье, которого он еще не знал. Ее звали Джай.

Застигнутый радостью

«Обещаете ли вы любить ее, утешать и почитать ее в болезни и здравии, оставив других, хранить ей верность, доколе смерть не разлучит вас?»

Из церковного брачного обета

В знаменитом мюзикле «Скрипач на крыше» хорошо передана жизнь еврейского местечка. Действие разворачивается в Восточной Европе и рассказывает о том, как еврейские законы и традиции влияют на уклад жизни простой семьи. Задачи, стоящие перед маленькой «Носей Паркер», которая всюду сует свой нос, точно переданы в известной песенке «Сваха, сваха, найди мне жениха».

В 1940 году в США вышел в свет роман «Аня». В нем трогательно описывалась жизнь еврейского местечка на Украине накануне Первой мировой войны. Кажется, в романе собраны все герои из «Скрипача на крыше». Автором «Ани» была Джой Дэвидман. Ее родители эмигрировали в Америку из такого же местечка в Европе. Семья поселилась в Нью-Йорке. Джой закончила отделение английской литературы при Колумбийском университете и преподавала этот предмет в нью-йоркских школах.

Она была атеисткой и через некоторое время возглавила поэтический отдел коммунистической газеты «Народные массы». Одно время Джой пробовала писать сценарии в Голливуде. Она вышла замуж за убежденного коммуниста Билла Грешема, у них родилось двое сыновей — Дэвид и Дуглас. Со временем Билл разочаровался в коммунистических идеях и вышел из партии.

«Нельзя столько пить, Билл, — постоянно твердила Джой. — Ты такой способный, но пьянство просто убивает тебя!»

«Сам знаю», — соглашался он.

«Ты слишком соришь деньгами, — продолжала жена. — Мы можем остаться без крыши над головой».

«Что же, по-твоему, нам делать?»

«Давай купим ферму. У нас будет свой дом. Ты неплохо заработал на фильме по твоему триллеру «Аллея кошмаров». Мы вполне можем купить ферму на вырученные деньги».

Так они и сделали. Джой хозяйничала на ферме, а Билл оставался в Нью-Йорке, работая редактором журнала.

Однажды на ферме раздался телефонный звонок. «Джой, я схожу с ума. — слышался голос Билла. — Я не могу находиться в офисе и не в силах приехать домой». Он положил трубку.

Женщина была в отчаянии, безуспешно разыскивая мужа. Позже она рассказывала, что среди этого ужаса вдруг почувствовала присутствие Бога. Да, слишком долго она скрывалась от Него, считая себя атеисткой. Теперь Бог открылся ей, и Джой впервые в жизни опустилась на колени и молилась. Муж нашелся. Он был глубоко тронут ее рассказом и тоже начал молиться. Он просил Бога избавить его от алкоголизма. Семья стала посещать церковь.

У Грешемов был друг Чед Уолш, служитель епископальной церкви. Он написал первую книгу о Льюисе, которая называлась «К. С. Льюис, апостол скептиков». Джой часто беседовала с Чедом о

Льюисе и о том влиянии, которое он на нее оказывал. Ей хотелось получить ответы на вопросы, возникавшие при чтении его книг.

«Почему бы тебе не написать ему письмо?» — предложил Чед. И в январе 1950 года в «Килнс» пришло письмо из Америки, адресованное К. С. Льюису.

«Какое интересное письмо, и как хорошо написано!» — воскликнул Уоррен, прочитав его.

«Оно требует серьезного вдумчивого ответа», — согласился Джек.

Между ним и Джой Дэвидман завязалась переписка.

«Интересно было бы с ней познакомиться», — признался как-то Льюис.

А между тем брак Грешемов трещал по швам. Билл часто изменял жене. Он снова начал пить. Джой остро нуждалась в советах Льюиса. Она хотела поговорить о своей семье и о книге про десять заповедей, над которой работала.

«Приезжай ко мне погостить. — звала Джой к себе ее лондонская приятельница Филлис Уильямс. — Тебе понравится в Англии».

Джой ухватилась за эту возможность и, оставив детей под присмотром кузена Рени Пирса, отправилась в путь. Она написала Джеку из Лондона, приглашая его на ланч к Филлис.

«Давайте пообедаем в Магдален- колледже», — написал он в ответ.

Это была удивительная встреча. Джека заинтриговала решительная позиция Джой.

«Ненавижу небоскребы», заявила она.

«В самом деле?»

«Они бесчувственные. Людям необходимо выбраться за город, вдохнуть свежий воздух и любоваться природой, не тронутой грубой цивилизацией. Небоскребы какие-то бездушные».

Джек, так любивший прогулки в лесной тиши, был полностью на ее стороне.

«Терпеть не могу современную Америку», - громко продолжала Джой.

«Это почему же?»

«Слишком много новых технологий. Рекламные фирмы могут из ничего создать восхитительный образ и выставить на продажу. Безвкусицу выдают за шедевр. Это плохо влияет на литературу, мистер Льюис».

После обеда Джек показывал гостям колледж. Джой внимательно его слушала, задавая на ходу шуточные вопросы. История колледжа очень заинтересовала ее.

«Где вы учились, миссис Грешем?» — спросил ее Джек.

«Я научилась читать, когда мне еще не было трех лет. С пятнадцати училась в Хантеровском колледже в Нью-Йорке. В двадцать один получила степень магистра английского языка в Колумбийском университете».

«Вам непременно нужно познакомиться с моим братом Уорреном, — сказал Джек. — Если вы согласитесь еще раз отобедать с нами в Магдален-колледже...»

«С удовольствием», — ответила Джой.

И через некоторое время Джек снова пригласил ее в Оксфорд, представив Уоррену и нескольким друзьям.

«Миссис Грешем некоторое время работала в Голливуде», — объявил Джек.

Джой стали упрашивать рассказать об этом подробнее.

«Кинокомпания «Метро-Голдвин Мэйер» регулярно засылает своих представителей в восточные колледжи Соединенных Штатов в поисках талантливых сценаристов, — начала она. — Ваш университет уже издавал сборник моих стихов «Письмо товарищу», а издательство Макмиллан выпустило мой роман «Аня». Так что меня пригласили попробовать силы в Голливуде».

«И как вам там работалось?»

«Я написала четыре сценария, но их не приняли. Через полгода я вернулась в Нью-Йорк».

«В каком году это было, миссис Грешем?» - спросил Уоррен.

«В тридцать девятом».

«Мы разминулись на девять лет». Уоррен принялся рассказывать о своей поездке в Лос-Анджелес. Он видел съемочную площадку фильма «Укрощение строптивой», где снимались знаменитые Дуглас Фейрбэнкс и Мери Пикфорд.

«Дома были огромные, лужайки широченные, бассейны роскошные...» — предавался воспоминаниям Уоррен.

«Найдется ли в этом монастыре заведение, где дама может облегчиться?» — перебила его Джой. Ей немедленно был указан ближайший туалет.

Пароход в Америку отплыл третьего января, и Джек с братом пригласили Джой вместе встретить Рождество 1952 года в «Килнс». Она приготовила великолепный обед с громадной индейкой.

«Не желаете ли прогуляться со мной? — предложил Джек. — Я большой любитель дальних прогулок».

«Принимаю ваше предложение. Я тоже люблю гулять. Мысли проясняются, и можно обсуждать разные идеи и даже мою новую книгу «Дым на горе»».

«Джой, вам письмо», — сказал утром Джек.

«Не может быть! — воскликнула она, прочитав его. — Билл требует развода».

Джой вернулась домой и дала согласие на развод. Все это время Билл изменял ей. Затем она вернулась в Лондон и отправила сыновей в подготовительную школу в Суррее. Джек оплачивал их обучение и даже пригласил провести каникулы в «Килнс».

«Давайте заберемся на башню Магдален, - предложил он Дугласу и Дэвиду. — Оттуда открывается великолепный вид на Оксфорд».

Те с готовностью начали карабкаться вверх. Очутившись снова внизу, мальчишки робко посмотрели на Джека:

«А можно залезть туда еще раз?»

«Ребята, этак у меня никаких сил не останется!»

Мальчишки спокойно проделывали путь в четыре мили.

«Это же так весело, правда, мистер Льюис?»

«У меня для вас есть сюрприз. — объявил Джек детям и вытащил отпечатанный экземпляр своей новой книги «Конь и его мальчик». — Я хочу посвятить ее вам».

Тогда ребята не могли вполне оценить оказанную им честь. Их имена возникают перед читателем всякий раз, когда он открывает повесть «Конь и его мальчик».

В 1954 году в жизни Джека произошли большие перемены. Его очень огорчало, что изучение древнего английского языка становится непопулярным среди молодых преподавателей Оксфорда. Он сильно переживал по этому поводу.

«Надо помочь Джеку, — решили его друзья. - Хорошо бы устроить его в Кембридж, где бы он мог изучать и преподавать древний английский язык».

«Я потрясен», — только и мог сказать Джек, когда ему предложили должность профессора средневековья и эпохи Возрождения. Теперь он мог возобновить исследования литературы XIV-XVI веков.

«Мы купим дом в Кембридже?» — спросил он Уоррена.

«Это означает продажу «Килнс». Но мы не можем этого сделать, поскольку по завещанию миссис Мур мы должны жить в нем до смерти. Мне же необходимо остаться здесь, чтобы закончить свою работу по Франции XVII века». Уоррен серьезно изучал этот период французской истории, и его работа была позднее опубликована.

«Согласен, Уорни. Мне нравится жить в Оксфорде», — ответил Джек.

«Существует компромиссное решение, — предложили друзья. — С понедельника по пятницу жить в Кембридже, а на выходные возвращаться в Оксфорд».

«Договорились. Это устроит нас обоих», — согласился Джек.

«Что представляет собой этот Льюис?» — спросил один студент своего приятеля, бывшего ученика Джека. Они влились в толпу, направляющуюся к аудитории, где Джек читал первую лекцию в Кембридже.

«Просто класс! — отвечал тот. — Его не с кем сравнить».

«Ты только посмотри на эту толпу, — говорил другой студент, который не нашел свободного

места в зале и теперь усаживался на сцене за кафедрой. — Чем он так знаменит?»

«У него талант простым языком излагать сложные вещи», — отвечал сосед.

Это была яркая запоминающаяся лекция. Джек убеждал слушателей в огромном значении английских писателей средневековья, называя себя «динозавром». Слушатели наградили его бурными аплодисментами.

Джой помогла Джеку переехать в Кембридж, где он чувствовал себя намного уютнее, чем в Оксфорде. Ее помощь была очень нужна ему.

«Я исписался, Джой, у меня нет больше идей», — сказал Джек.

«Этого не может быть!»

«Это правда. Новые образы больше не посещают меня», — печально отозвался он.

«Я помогу тебе», — сказала Джой.

Они уселись поудобнее и стали обсуждать возможные идеи. Выбрав одну из них, Джек отправился к себе.

«Я написал первую главу», — сказал он на следующий вечер.

Джой внимательно читала написанное, делая свои замечания. Потом Джек написал следующую главу; и через месяц рукопись была закончена. Новая книга называлась «Пока мы лиц не обрели». Она считается одним из лучших произведений Льюиса.

В 1954 году Билл Грешем развелся с Джой, и она переехала с детьми в Оксфорд, где Джек снял для них дом. Он же платил за аренду. Джой по-прежнему помогала ему писать.

В апреле 1956 года Джек заглянул к ним на Олд-Хай-стрит и застал Джой расстроенной.

«Что случилось?»

«Министерство внутренних дел Британии отказывается продлить мне визу для работы и проживания в Англии», — сказала она.

«Это еще почему? — Джек был крайне удивлен. — Они как-то мотивировали свой отказ?»

«Никакого объяснения, — Джой раздраженно махнула рукой. — Хотя, возможно, это связано с моим членством в коммунистической партии. По правде говоря, когда-то я была активной коммунисткой, открыто поддерживая марксистские идеи. Потом я совершенно в них разочаровалась».

«Ты хотела бы снова вернуться в Штаты, Джой?»

«Нет. Хотя бы потому, что Билл попытается забрать у меня Дугласа и Дэвида. Мне постоянно придется выслушивать нотации родителей о том, как я испортила свою жизнь. Так или иначе, я уже рассталась с Америкой в своей книге «Дым на горе». Мне так хочется остаться в Англии, Джек. Единственный способ это сделать — получить британское гражданство. Но если меня высылают из-за коммунистического прошлого, вряд ли мне его предоставят».

«Что ж, если тебе позволено остаться только до конца апреля, то единственный способ стать гражданкой Великобритании — выйти замуж за гражданина Великобритании!»

«И ты делаешь мне предложение?» — ехидно спросила Джой.

«Нет, что ты! — быстро ответил Джек. — Я слишком стар для того, чтобы делать предложения. Если тебе суждено еще раз выйти замуж, то за человека более молодого. Но у меня есть план».

«Какой, интересно знать?» — спросила заинтригованная Джой.

«Я предлагаю отправиться в Бюро регистраций здесь, в Оксфорде, и зарегистрировать гражданский брак. Об этом будут знать только в Британском министерстве внутренних дел. Оуэн Барфилд составит договор, где будет указано, что заключенный брак является всего лишь выходом из создавшегося положения, для получения вида на жительство в Англии. Ты сможешь в любой момент признать его недействительным. Мы будем по-прежнему жить каждый в своем доме».

«Но, Джек, не обяжет ли тебя подобный брак оказывать мне и детям финансовую поддержку?» — спросила изумленная Джой.

«Я и так это делаю, и с удовольствием буду продолжать помогать вам!»

В понедельник 23 апреля 1956 года Джой Грешем, прихрамывая, вошла в Бюро регистраций, расположенное в доме 13 на улице Святого Жилия. Доктор установил, что у нее фиброматоз. Джек прибыл туда в сопровождении двух друзей. Их брак был зарегистрирован старшим офицером Сесилом Клифтоном.

Как это ни странно, Джек, определенно, не был влюблен в Джой. Он сам говорил об этом Джорджу Сейеру. Церемония была устроена только для того, чтобы Джой могла остаться в Англии. Эта женщина нравилась Джеку, он ценил ее талант и прислушивался к советам. Но Джой была для него просто другом. Даже близкие друзья не сразу узнали об их браке. Джек оставался внимателен и добр к сыновьям Джой.

«Потрясающе, — сказал Дуглас. — Это так великодушно с вашей стороны. Мне всегда хотелось иметь лошадь».

Джек действительно купил лошадь и поместил ее в конюшне «Килнс». Мальчики проводили там каникулы.

Джой стала чаще жаловаться на недомогание: «Меня мучают боли в ноге, спине и груди».

Врачи нашли, что у нее поражены мышечные оболочки. Джой выслушала свой диагноз и вернулась к работе.

Но в октябре 1956 года боль стала невыносимой. Вечером около одиннадцати часов Джой решила позвонить Джеку в Кембридж. Она споткнулась, зацепившись за телефонный шнур, и услышала хруст. Женщина с криком упала.

«Помогите! Помогите!» — кричала Джой, пытаясь привлечь внимание соседки, которая уже спешила к ней.

«С тобой все в порядке?» — услышала она голос своей приятельницы Кэтрин Фаррер.

Почувствовал неладное, она решила заглянуть к Джой и успела как раз вовремя.

«Скорая» увезла Джой в ортопедическую клинику Уингфилда Морриса, располагавшуюся в четверти мили от ее дома. Рентгеновские снимки показали перелом левого бедра, причиной которого был рак.

Узнав, что Джой поместили в больницу, Джек приехал на следующий день. Она ничего не скрывала.

«Мне стыдно быть для тебя обузой, — слабо проговорила она. — Как ты собираешься оплачивать лечение, Джек? В больнице думают, что я гражданка США, и поэтому выставят счет. Если бы они знали, что я миссис Льюис, гражданка Великобритании, лечение было бы бесплатным!»

«Я позабочусь об этом», — успокоил ее Джек и поднялся, уступая место медсестре с лекарствами.

«Тебе принести что-нибудь почитать?» — спросил он.

«Как насчет твоей книги, Страдание»? Это было бы кстати», — сказала Джой, поддразнивая его.

«Есть только один шанс из ста, что Джой поправится, — писал Джек Артуру Гривзу в ноябре 1956 года. — Пятьдесят шансов из ста, что она проживет этот год, и семьдесят пять — что умрет через несколько месяцев».

«Если я не умру от рака, то от облучения — точно. Я вся горю», — жаловалась Джой Джеку в канун Рождества.

Джек молча достал из кармана пачку писем и протянул ей.

«Это письмо от моего брата Ховарда, — улыбнулась Джой. — Как я рада, что он меня не забыл».

Джек тихо сидел у ее постели, пока она читала. Второе письмо пришло от родителей. Они спрашивали, чем помочь. Писали родственники из Ирландии, предлагая забрать детей на каникулы.

«А зачем тебе газета?» — удивилась Джой.

Джек положил перед ней номер «Таймс» и открыл восьмую страницу. Там помещалось небольшое объявление.

«Зарегистрирован брак, — прочитала Джой, - между К. С. Льюисом, профессором Магдален-колледжа в Кембридже, и миссис Джой Грешем, являющейся в настоящее время пациенткой клиники Черчилля в Оксфорде».

«Просьба писем не присылать», — закончил чтение Джек. Джой сжала его руку!

В марте 1957 года врачи признали Джой безнадежной. Они считали смерть неминуемой. 20 марта Джек встретился в больнице со своим бывшим учеником преподобным Питером Байдом. Когда-то Питер рассказывал Джеку о своем чудесном исцелении в детстве. Теперь Джек попросил его приехать и помолиться об исцелении Джой с «возложением рук». Во время такой молитвы священник возлагал руки на больного.

«Ты сделаешь это, Питер?» — просил Джек.

«Ты надеешься на чудо?»

«Надеюсь», — тихо ответил он.

«Только имей в виду, что случившееся однажды может не повториться», — предупредил его священник, входя в палату.

Он представился Джой и возложил на умирающую женщину руки, молясь об ее исцелении. На следующий день Питер Байд опять пришел к Джой. Это было самое необычное служение в его жизни. Было одиннадцать часов утра. Джек держал лежащую Джой за руку. Возле кровати стояли Уоррен и медсестра. Служитель англиканской церкви начал читать брачный обет, соединяя в «священный союз» Джой Грешем и известного христианского писателя. Гражданский брак Джека и Джой был браком вынужденным. Теперь Джек, всем сердцем полюбивший Джой, желал перед Богом дать ей обещание верности.

«Обещаешь ли ты любить ее, утешать и почитать ее в болезни и здравии, оставив других, хранить ей верность, доколе смерть не разлучит вас?» — звучал голос священника.

«Обещаю», — отвечал Джек, смиряясь со скорой смертью Джой.

В конце церемонии он наклонился поцеловать свою невесту.

«Джек, — проговорила она, — теперь, когда врачи уже не могут помочь и мы заключили настоящий союз, могу ли я просить тебя похоронить меня в «Килнс» как миссис Льюис?»

«Конечно, Джой», — печально отвечал он.

«Похоже я скоро сменю брачные одежды на костюм вдовца, — писал Джек в письме. — Это был брак у смертного одра».

«Надеяться почти не на что, но, может, в конце боли немного утихнут», — писал Уоррен в своем дневнике. Но случилось чудо: молитвы были услышаны, и впереди супругов ожидало большое счастье.

Навстречу прекрасному

«Христиане никогда не говорят «Прощай»».

К. С. Льюис

В начале апреля 1957 года Джой перевезли в «Килнс». Смерть дышала ей в лицо. Джек и Уоррен постарались устроить ее как можно лучше. У постели больной все время дежурила медсестра. Ей отвели комнату для гостей.

Лежа на больничной кровати в переоборудованной столовой, Джой совсем упала духом. Специальные ремни помогали приподниматься, но у больной не было сил ими воспользоваться.

В довершение всех бед пришло письмо от Билла Грешема. Узнав о болезни Джой, бывший муж решил забрать детей: «Мне, разумеется, хотелось бы взять их к себе после твоей смерти».

В случае отказа Билл угрожал увезти их силой. Когда мальчикам рассказали о письме, Дуглас даже заплакал. Джек встал на защиту детей. Ему также хотелось облегчить страдания жены. Он отослал в Америку два резких письма, где упрекал Билла, что тот «уже довел до страшных мучений одно существо». Джек писал, что больше всего Джой страшится возвращения детей под опеку отца. Память Дугласа и Дэвида еще хранила картины, когда отец палил из ружья в потолок, чтобы излить эмоции, крушил стулья, рыдал на публике и даже разбил бутылку о голову Дугласа. Джой хотела, чтобы ее сыновья получили образование в Англии и жили в «Килнс». Джек предупреждал, что если Билл не откажется от своих намерений, его ожидает долгое судебное разбирательство.

К счастью, Билл Грешем согласился с этими доводами. Он продолжал переписываться с Джой до самой ее смерти, и характер писем постепенно становился все дружелюбнее. Он больше не пытался уговорить мальчиков вернуться к нему в Америку.

На смену весне пришло лето. Джой потихоньку стала передвигаться по дому. Джек видел в этом ответ на их молитвы. Но странная вещь: теперь боль одолевала Джека. Он страдал от остеопороза, вызванного недостатком кальция в костях. «Мои кости теряют кальций, а твои получают! - говорил он Джой — Как странно, правда?»

Спустя несколько месяцев Джой снова была на ногах, болезненные очаги на костях больше не разрастались, а, наоборот, исчезали.

«Боюсь, тебе придется надеть корсет, Джек», — сказал его лечащий врач.

«Зачем?»

«Остеопороз ослабил твой позвоночник, он может сломаться».

Теперь на ногах едва держался Джек. Все лето он промучился, но к осени его здоровье немного поправилось благодаря стероидам. Для них с Джой наступил период безмятежного счастья. Они любили друг друга.

«Я собираюсь заняться садом в нашей усадьбе», — заявила садовнику Джой.

«Каким образом, миссис Льюис?» — спросил удивленный Паксфорд.

«Вырастить в теплице цветочную рассаду, вскопать вокруг дома бордюр, выполоть сорняки и подготовить землю к посадке цветов».

«Я не очень-то разбираюсь в цветоводстве», — отвечал садовник.

«Зато я разбираюсь!»

«Джек, давай приведем в порядок наш дом, — предложила полная свежих сил Джой. — Нужно починить старый паровой котел и подсоединить батареи».

«Отлично! — отозвался Джек. — Теперь я смогу принимать горячие ванны».

В «Килнс» было довольно холодно, много лет подряд дом обогревался керосиновыми плитами.

«Сегодня мне хочется самой приготовить ужин, миссис Миллер», — попросила кухарку Джой.

«Чудесно, если вы чувствуете в себе силы, миссис Льюис», — не возражала та.

«Мне понадобятся овощи с твоего огорода, Паксфорд. Джек должен правильно питаться».

В усадьбе кипела работа.

«Давай отремонтируем дом снаружи и изнутри», — уговаривала Джой.

«Вы просто пчелка, миссис Льюис», — восхищался Джек.

«Я чувствую себя потрясающе!»

Верил ли Джек в чудеса? Конечно, верил. Отдыхая как-то после обеда в Вескотт-хаус в колледже англиканской церкви, он заинтересовался сборником «Виндзорских проповедей» преподобного Александра Дидлера. Джек начал читать проповедь о чуде в Кане Галилейской, когда Иисус превратил воду в вино. Вскоре вернулся хозяин дома, ректор Вескоттского колледжа преподобный Кеннет Кэри.

«Как тебе нравится эта книга?» — спросил он Джека.

«Просто не верится. Понадобилось две тысячи лет, чтобы богословы поведали нам, что все, до сих пор считавшееся чудом, есть в действительности простое иносказание», — иронично заметил Джек. Он был категорически против позиции автора, который хотел вычеркнуть чудо из канской истории.

«Но именно так трактуется Новый Завет в наши дни», — оправдывался преподобный Кэри.

«Они пытаются отрицать то, что Евангелие описывает как реальное событие».

«Они отрицают только отдельные моменты, но не все, — отвечал священник. — Например, они не считают вымыслом воскресение».

«Конечно, — отозвался Джек. — Если нельзя проглотить такого верблюда, как воскресение, они отцеживают комаров, как, например, насыщение пятью хлебами».

Джек не понимал, как люди, верящие, что Бог совершил чудо, воскресив Иисуса из мертвых, не могут поверить в гораздо меньшее чудо, когда пятью хлебами и двумя рыбками накормили несколько тысяч человек. Он считал, что церковь, не признающая чудеса, разрушается и не может дать миру надежду.

«Ты веришь в чудеса?» — спросил как-то Джек Дэвида Блекли.

«Верю», — отвечал тот.

«Нужно быть реалистом, чтобы в них верить», — сказал тогда Джек.

Джек не сомневался, что Бог чудесным образом исцелил Джой благодаря их молитвам.

«Я бы хотел показать тебе места, где прошло мое детство», — говорил он Джой.

«Мне бы очень хотелось побывать в Ирландии, но давай все же посоветуемся с врачом».

«Этим летом я хочу свозить Джой в Ирландию. Можно ли совершить поездку по морю, как я это делал обычно?» — спросил Джек у своего доктора.

«Я бы не советовал путешествовать по морю. В случае качки вы оба можете упасть, а это крайне опасно в вашем положении. Отправляйтесь лучше на самолете».

«Но я страшно боюсь полета», — признался Джек. И это говорил человек, который так ярко описал ночной полет на сове в поисках пропавшего принца Рилиана.

«Все будет хорошо», — успокоил его доктор.

«Не уверен, больше всего меня пугает взлет».

Джек купил билеты на самолет. Как он молился, пока самолет разогнался по взлетной полосе! Он вцепился в подлокотники, так что пальцы побелели. Джек не сомневался, что машина не слушается управления и вот-вот рухнет на землю. Когда они поднялись над облаками и тряска уменьшилась, они с Джой прильнули к иллюминаторам. Внизу проплывали Уэльские горы. Потом их взору открылось побережье Северной Ирландии с мысами, выступающими далеко в Ирландское море. «Они были залиты солнцем, словно покрыты глазурью» — так описывал их Джек.

В аэропорту их встречал Артур Гривз. Джек и Джой поселились в Кроуфордсбернской гостинице.

Остановившись там на несколько дней, они путешествовали по графству Даун в машине Артура. Затем супруги отправились в местечко Донегол. Погода стояла чудесная. Джек не верил своему счастью.

Вслед за летом пришла осень, потом зима. Жизнь в «Килнс» протекала своим чередом. Накануне Рождества произошел интересный случай. Уоррен ехал в автобусе рядом с пожилой дамой. Проезжая мимо церкви, она заметила рождественские ясли, установленные перед зданием.

«Они готовы привязать религию к чему угодно, — проворчала дама. — Только посмотрите, теперь они пытаются пристроить ее к Рождеству!»

Уоррен рассказал об этом Джеку, и они от души посмеялись. Джек описывал этот случай в своих письмах. В Нарнии тянулась обычная зима, без Рождества. Но в доме Льюисов Рождество было важным событием. История с пожилой дамой показывала, как далеко можно уйти от подлинной сути этого праздника. Сердце и перо Джека принадлежали родившемуся в Вифлееме Спасителю, Иисусу Христу.

В тот год он отправил друзьям одинаковые рождественские открытки, на которых маленький паровоз пыхтя тянул по холмам вереницу вагончиков. Надпись на обороте сообщала, что это Талиллинская железная дорога Уэльса. Все средства от продажи этих открыток шли на сохранение этой почти столетней узкоколейки. «Наилучшие пожелания и поздравления с Рождеством, счастливого Нового года!» — писал на них Джек. Для них с Джой минувший год действительно был счастливым, ведь смерть миновала их дом. Новый год открывал новые перспективы, о которых они не могли мечтать.

С некоторых пор Джек задумал написать книгу о любви. Он размышлял над тем, что в греческом языке существуют четыре слова для обозначения этого чувства. «Сторге» — любовь-привязанность. Мы можем испытывать привязанность к плюшевому медвежонку или старому пальто, как, впрочем, и к людям. «Филео» означает дружбу, которая возникает между людьми, когда их объединяют общие интересы или круг общения. Слово «эрос» передает чувственную любовь. И только «агапе» является любовью в христианском понимании: любовь к тем, кто ее недостоин. Такой любовью любит нас Бог. Размышления Джека были собраны в книге «Любовь». К тому времени он

сам пережил все виды любви. Но над его семейным счастьем нависли тучи. Летом 1959 года у Джой снова начались боли, врачи подтвердили рак. Но ни последствия терапии, ни боль не заглушили в ней радость и чувство юмора.

«Мы недавно побывали в Греции», — рассказывали Роджер и Джун Ланселин–Грин. Давнишние друзья Льюисов делились впечатлениями от поездки в эту удивительную страну. «Это потрясающее место. Руины! Парфенон! Афины! Острова!»

«Как бы мне хотелось там побывать!» — вздохнула Джой.

«Давайте поедem туда в будущем году. Берусь все организовать», — предложил Роджер.

«Отличная мысль!» — поддержал его Джек, который обрадовался возможности выполнить заветное желание Джой.

На пасхальных каникулах 1960 года Джек и Джой прилетели в Афины. Они путешествовали по Греции одиннадцать дней. Можно представить, какое впечатление произвела на Джека страна легенд и мифов. Они поднимались по ступеням Акрополя, любовались Микенами и Коринфским заливом, побывали в Аттике, Дельфах и Родосе. Три дня путешественники провели в Ираклионе, столице Крита, и вместе с экскурсией исследовали древний остров. Создатель Нарнии посетил раскопки Кносса на севере Крита. Тот, кто большую часть своей жизни посвятил изучению античной культуры, наслаждался теперь средиземноморскими пейзажами, где эта культура зарождалась.

Жена умирала, и Джек знал об этом. Он дорожил каждым днем, проведенным с Джой. Через несколько недель после возвращения из Греции жизнь круто изменилась. Им оставалось совсем недолго быть вместе. 11 июля в половине седьмого утра Уоррена разбудили крики Джой. Он бросился вниз. Срочно вызванный доктор сделал укол, и в 13.30 «скорая» увезла ее в больницу. В тот же вечер в 22.15 Джой тихо скончалась. В память о жене Джек написал эпитафию, которую выбили на каменной табличке в Хедингтонском крематории:

*Здесь целый мир: и луг, и лес,
И месяц, что светил с небес,
Какими ей являлись прежде,
Подобно сброшенной одежде,
Лежат теперь во прахе брэнном,
Но с верой, что, восстав из тлена,
Лишь воскресенья час придет,
Душа их снова обретет.*

После смерти Джой молитвы нелегко давались Джеку. Он постоянно думал о жене, вспоминая прожитые вместе годы. Он решил написать о своих чувствах. Предвидя количество писем в ответ на публикацию, Джек подписался вымышленным именем Н. У. Клерк. Но в 1964 году книга была переиздана с указанием настоящего имени автора. Она называлась «Скорбящий» (Боль утраты). Многих сердец коснулась печаль этой книги, многих утешила. Вот небольшой отрывок из нее: «У меня нет ни одной хорошей фотографии с ее изображением, я даже мысленно не могу отчетливо увидеть ее лицо... но голос ее звучит по–прежнему. Тот самый голос, который превращает меня в плачущего ребенка... Понимаешь ли ты, родная моя, сколько ты унесла с собой?» Но вера побеждает страдание, и дальше мы читаем: «Она в руке Божьей...»

Никогда Джек не получал столько писем. Невозможно выразить интерес к его книге, сочувствие, которое он пробудил в людских сердцах. Джек никогда не думал, что стал известным

писателем. Письма все шли и шли. Теперь требовалось гораздо больше времени, чтобы ответить на них.

Джек продолжал писать и по-прежнему встречался с друзьями по понедельникам в «Орле и дитяти» или «Ягненке и флаге». С понедельника по пятницу он работал в Кембридже.

Но в июле 1961 года он заболел воспалением почек. Началось заражение крови, так что пришлось делать переливание. Он был слишком слаб для операции.

«Вам лучше не ложиться в кровать ночью, профессор Льюис. Советую вам спать, сидя на стуле», — говорил ему врач.

В этот период Джек был очень близок к Господу. Бог никогда не покидал Джека, незримо присутствуя рядом.

К счастью, Джек не утратил чувство юмора. Несмотря на все пережитые страдания и болезнь, он оставался оптимистом. 16 июля в Оклендской больнице у Джека случился сердечный приступ, и он потерял сознание. На следующий день викарий церкви Святой Марии Магдалины преподобный Майкл Уоттс соборовал его. В два часа дня Джек был помазан священным елеем, что делают в случае скорой смерти.

Но уже в три часа он внезапно вышел из комы, снял кислородную маску и отчетливо произнес: «Могу ли я попросить чашечку чая?» Медсестра немедленно сообщила новость друзьям — Уолтеру Хуперу, Остин и Кэтрин Фаррер. Они тут же примчались в больницу.

«Что-нибудь случилось?» — спросил их Джек.

«Ты слишком долго спал, мы уже беспокоились», — ответил Остин.

Джек понемногу начал поправляться. Однажды в палату тихонько проскользнула молодая дама и взяла его за руку.

«Джек, это Морин», — сказала она.

Это была Морин Мур, о которой он заботился столько лет. Ее предупредили, что после комы Джек не всегда узнавал людей.

«Нет, — улыбаясь отвечал Джек. — Это леди Данбар Хемпригтская».

«О, Джек, неужели ты это помнишь?»

«Неужели я мог забыть сказку?» — возразил он.

К тому времени Морин унаследовала баронетство в Шотландии. Она стала титулованной дамой, владелицей замка и обширного поместья. Если бы ее брат Пэдди был жив, он стал бы баронетом.

К сожалению, Джек не признавал больничные порядки и требовал сигареты.

«Вы можете курить, мистер Льюис, только в присутствии других людей. Вам нельзя иметь спички, а то в вашем состоянии вы можете уснуть с сигаретой и поджечь нашу больницу!» — выговаривала ему старшая сестра.

«Оставь мне коробок спичек, я спрячу его в белье», — упрашивал Джек своего юного друга из Америки — Уолтера Хупера. Уолтер протянул ему спички, и тот немедленно их спрятал.

Как только Уолтер ушел, в палате появилась медсестра.

«Я только приберусь немного, профессор», — пояснила она.

Поправляя простыни, она обнаружила коробок спичек.

«Попались!» — воскликнула она и положила трофей в карман.

«Откуда она могла узнать?» — допытывался Льюис у Уолтера, когда он вернулся.

«Извини, Джек, — краснея, отвечал друг. — Это я ей рассказал».

«У меня есть то, чего нет ни у одного друга, — ехидно заявил Джек. — У меня есть свой собственный предатель. Так ты дашь мне коробок спичек?»

Было ясно, что после выписки из больницы Джеку понадобится медсестра. Уолтер работал у него секретарем и мог заботиться о нем в течение дня. А кто поможет больному ночью? Им порекомендовали шотландца Алека Росса. Тот активно взялся за дело. Требования к гигиене у нового медбрата были довольно высокими, и скоро кухня в «Килнс» сверкала, как больничная лаборатория. Алек поселился в музыкальном зале.

Первым письмом, которое Джек написал дома, стало прошение об отставке. Нелегко было ему писать об этом. Джек очень любил свою работу в Кембридже. Уолтер рассказал ему о коме, последовавшей за сердечным приступом. Джек был благодарен ему за это признание.

«Я теперь неофициально потухший вулкан», — писал он в августе 1961 года своему приятелю. Юмор никогда не изменял ему.

«А теперь, Уолтер, отправляйтесь с Дугласом в Кембридж и привезите мои книги», — объявил Джек в конце месяца.

«Нам придется нанять грузовик», — рассуждал Уолтер. Они принялись за работу и в конечном счете организовали доставку двух тысяч книг.

«Где же мы будем все это хранить?» — спросил Уолтер, вернувшись в «Килнс». Дом и так был забит книгами.

«Пошли», — и, прихватив несколько книг, Джек направился в музыкальный зал.

Там в углу храпел на кровати Алек Росс.

Следующие несколько часов трое мужчин на цыпочках пробирались в зал и расставляли книги вдоль стен. Внезапно проснувшийся Алек начал с криком пробивать себе дорогу из неожиданно выросшего книжного леса. Остальные весело хохотали, глядя на незадачливого помощника. Скоро он и сам присоединился к их дружному смеху.

Последние дни Джека были печальными. Он страдал от уремии и постоянно впадал в забытие, но не утратил юмористического взгляда на вещи.

Однажды у них гостили Фарреры. Садовник Паксфорд, делавший покупки для «Килнс», всегда приносил из лавки ровно полфунта сахара. Уговорить его покупать больше было невозможно.

«Никто не знает, когда наступит конец света, — упрямо твердил садовник. — Что мы тогда

будем делать с лишним сахаром?»

«Какая разница, что останется в погребе? - шутил Уолтер. — Я только напоминаю, что гости мистера Джека любят чай с сахаром!»

«А может, они не пьют чай с сахаром?» — возражал Паксфорд.

«А может, льют», — не унимался Уолтер.

«Но ведь возможно, что и не пьют. Что нам тогда делать с сахаром?» — парировал Паксфорд.

Приезд Фарреров всем доставил радость. Когда они уезжали, Джек и Уолтер стояли у дверей и махали им вслед рукой. Остин, высокий и худой, и маленькая Кэтрин садились в машину. Джек с усмешкой посмотрел на Уолтера: «Похоже, мы принимали у себя эльфов!»

Все эти дни Джек много читал и отвечал на письма. Их стало еще больше после того, как о болезни Льюиса сообщили газеты. Уолтер Хупер помогал ему разбираться в этом потоке.

В письме из одного американского университета Джеку предлагали сто фунтов за получасовой телефонный разговор с аудиторией по любой избранной им теме. Джек написал на конверте «ОВО».

«Что означают эти три буквы?» — спросил его Уолтер.

«Очень вежливый отказ», — пояснил Джек.

«Почему вы хотите им отказать?»

«Потому что я пишу гораздо лучше, чем говорю».

Хотя Джек шутливо причислил себя к потухшим вулканам, этот старый вулкан все еще продолжал извержение. Он написал статью для известного американского журнала «Сэтэди ивнинг пост». Получив на проверку корректуру, он обнаружил, что последний абзац его статьи исправлен. Джек страшно разозлился и немедленно связался с Нью-Йорком: «Напечатайте как было раньше или не печатайте вовсе!» — потребовал он.

В последние дни Джек снова вернулся к своим любимым книгам. Он перечитывал «Одиссею» и «Илиаду» на греческом, «Энеиду» на латинском, романы Диккенса и Вальтера Скотта, «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, книги Филлинга и Герберта Уэллса.

Уоррен и Джек теперь часто вспоминали дни своего детства. Как говорил потом Уоррен, они «использовали свой старый школьный прием, чтобы извлечь побольше удовольствий в последние дни каникул». И каждый вечер, отправляясь спать, он думал, застанет ли утром своего брата живым.

Осенним погожим днем за Джеком заехал Джордж Сейер, глава кафедры английского языка в Мэлвернском колледже. Он усадил Джека в машину и повез на Биконский холм к гребню Чилтернс и дальше мимо Рождественского выгона. Буковые деревья стояли в осеннем убранстве. Джордж остановил машину. Они опустили окна и залюбовались красотой природы. Джек молился и славил Бога.

В понедельник 18 ноября Джек в последний раз посетил собрание «Инклингов» в «Орле и дитяти». В среду 20 ноября он встречался с представителем издательства «Паффин буке», Кеем Вебом. Они обсуждали «Хроники Нарнии», вносили необходимые изменения. Проводив Кея, Джек задумался, а потом повернулся к Уоррену и произнес фразу, которая так дорога всем, кто его любит. В псалме 36:37 сказано: «Смотри на праведного, ибо будущность такого человека есть мир». Можно

ли отнести эти слова к Джеку? Безусловно можно. Повернувшись, он сказал Уоррену: «Я выполнил все, для чего был послан в этот мир. Я готов уйти».

Как дороги эти слова в устах смертельно больного человека. Ему оставалось жить всего два дня. В пятницу 22 ноября, 1963 года Джек написал четыре письма и заснул на своем стуле. Уоррен подошел и тихонько спросил: «Может, тебе лучше лечь в кровать?»

«Хорошо, Уорни», — ответил он.

Около четырех часов дня Уоррен разбудил Джека. Он принес ему чашку чая. Джек был спокоен и весел. Скоро он снова задремал.

В половине шестого Уоррен услышал грохот в спальне брата. Он бросился наверх и нашел Джека лежащим без сознания возле кровати. Он начал звать на помощь, но Джек уже перестал дышать.

В день кончины Джека в Далласе был убит президент США Джон Кеннеди. Весть о его трагической гибели облетела весь мир. Американская трагедия затмила смерть Льюиса. Отпевание состоялось в церкви Святой Троицы в Хэдингтон Кворри во вторник 26 ноября 1963 года. О кончине Джека было объявлено по Би–Би–Си, а «Таймс» напечатал некролог. На похоронах присутствовали только самые близкие друзья.

Зажженная свеча горела на крышке гроба, пока его несли к выкопанной под лиственницей могиле. Один из присутствовавших на погребении вспоминал, что пламя не дрожало. Это был прекрасный символ того, чем являлся в этой жизни Джек. Он был светом для многих. Он твердо и мужественно «горел», свидетельствуя о Христе тем, кто считал себя атеистом или агностиком, мало задумываясь о духовном.

«Я верю в христианство, — писал он, — так же, как верю в восход солнца, не потому, что я его вижу, но потому, что вижу все вокруг». Джек делился всем, что видел.

Что произошло за время после смерти Джека? С каждым годом все больше людей знакомятся с его книгами. Он стал широко известным писателем. В столетнюю годовщину со дня рождения свыше тридцати книг К. С. Льюиса расходились огромными тиражами по всему свету. Пьеса «Туманные земли» идет на многих сценах мира. В ней повествуется о том, как складывались отношения Джека и Джой. На экраны вышел фильм с таким же названием, в котором снимались сэр Энтони Хопкинс и Дебора Уингер.

«Хроники Нарнии» остаются любимой книгой многих детей. Телефильм, снятый Би–Би–Си, также завоевал популярность среди зрителей.

Королевская Шекспировская труппа играет спектакль «Лев, Колдунья и платяной шкаф» в Стратфорде–на–Эйвоне. Недавно появился прекрасный музыкальный портрет Джека, который так и называется — «Джек», написанный Кейтом Гетти и Дугласом Грешемом. Это произведение было исполнено в дни юбилея в Белфасте на престижной сцене Уотерфронт Холла. Этот зал находится около Донеголльской пристани, откуда Джек столько раз отплывал на пароме в Ливерпуль. Он никогда бы не поверил в это, если бы узнал.

Теперь появилась королевская почтовая марка с портретом К. С. Льюиса. В Северной Ирландии проводятся экскурсии по местам, связанным с именем писателя. В бюро регистраций Северной Ирландии открыт архив Льюиса. Недавно вышла в свет книга Дэвида Блекли «К. С. Льюис — дома в Ирландии». Мери Мак–Элис и ирландские писатели Мэв Бинчи и Сэмус Хини выражают свое огромное уважение к этому великому человеку.

Глубокую признательность выразили К. С. Льюису Билли Грем и христианские лидеры Северной Ирландии. Самые трогательные отзывы о писателе пришли от детей Восточного Белфаста, где он родился. Дети страшно гордятся, что великий сказочник их земляк.

В США Льюис едва ли не самый цитируемый христианский автор. Многие обратились к Господу Иисусу после прочтения его книг.

Без сомнения, память о К. С. Льюисе и его творчестве приносит свои плоды. По милости Божьей, этот человек является драгоценным подарком грядущему тысячелетию. В своих книгах он затрагивал темы вечности, поэтому они будут вечно интересовать людей.

Мы совершили путешествие по жизни К. С. Льюиса, начав нашу книгу с письма маленькой девочки Энн Дженкинс. Она много лет с ним переписывалась. Можно определенно утверждать, что Бог использовал жизнь Джека, чтобы помочь уверовать в Иисуса и взрослым, и детям. Эта вера говорит нам о чудесной жизни после смерти. В седьмой истории Нарнии, которая называется «Последняя битва», Льюис пишет об этом так: «А то, что случилось дальше, было так прекрасно, что писать об этом я не могу... Теперь наконец началась Глава Первая Великой Истории, которую не читал ни один человек на земле. Истории, которая длится вечно. Истории, в которой каждая глава лучше предыдущей».

Как же закончить историю этой чудесной жизни? Я много думал об этом и решил рассказать еще один случай из жизни великого сказочника.

Однажды в солнечный зимний день много лет назад Льюис обедал в Истгейте в Оксфорде со своим юным другом Шелдоном Ванокеном, который уверовал во время учебы в университете. Они беседовали, как ни странно, о смерти и о том, как человек пробуждается после смерти. Друзья полагали, что это можно сравнить с возвращением домой.

«Звони, — сказал Джек своему другу, — в любом случае мы обязательно встретимся, здесь или там».

Они закончили обед и вышли на шумную Хай-стрит. Джек улыбнулся и, пожав руку Шелдону, сказал: «Я не прощаюсь. Мы встретимся снова».

Он перешел улицу, и Шелдон стоял, глядя ему вслед. На другой стороне Джек почувствовал, что Шелдон все еще стоит перед Истгейтом. Он обернулся и попытался перекричать гул машин. Люди оборачивались на него, и Шелдон помнит, как один автомобиль даже свернул в сторону.

«К тому же, — прокричал Джек, — христиане н и к о г д а не говорят «прощай!»»

И в этой книге я тоже не говорю «прощай».